

**Правительство Санкт-Петербурга
Комитет по образованию
Отдел образования администрации
Красногвардейского района Санкт-Петербурга
ГБОУ ДОД Дворец детского (юношеского) творчества
Красногвардейского района Санкт-Петербурга
«На Ленской»**

ИЗ ОХТИНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Выпуск девятый

**Правительство Санкт-Петербурга
Комитет по образованию
Отдел образования администрации
Красногвардейского района Санкт-Петербурга
Государственное бюджетное образовательное
учреждение дополнительного образования детей
Дворец детского (юношеского) творчества
Красногвардейского района Санкт-Петербурга
«На Ленской»**

Из Охтинской летописи

Выпуск девятый

**Фрагменты работ учащихся,
представленных на городских и районных
историко-краеведческих конкурсах и конференциях
в 2010–2011 годах**

**Санкт-Петербург
2011**

Составитель: Н.П. Столбова

Под редакцией Н.П. Столбовой

Девятый выпуск «Из Охтинской летописи» приурочен к 70-летию начала Великой Отечественной войны и содержит фрагменты работ старшеклассников школ Красногвардейского района, посвященных войне и блокаде Ленинграда.

Первая часть — «Дети войны и блокады» рассказывает о судьбах детей и подростков, раннее взросление которых пришлось на годы войны. Работы созданы на основе воспоминаний, семейных архивов и рассказывают о блокадном детстве поколений, переживших войну.

Вторая часть — «Блокадные судьбы» повествует о судьбах жителей блокадного города.

Третья часть — «Великая Отечественная война в судьбе моей семьи» содержит работы, посвященные историям семей и их вкладу в победу.

Работы, вошедшие в сборник, были представлены на районных и городских историко-краеведческих конкурсах и конференциях и получили высокую оценку жюри. Работы школьников поражают искренней заинтересованностью, проникновением в тему, желанием внести свою лепту в создание военных страниц истории своей семьи, города и страны.

Сборник предназначен юным краеведам, педагогам краеведческого направления, всем, кто интересуется историей войны и блокады Ленинграда.

На обложке — памятник «Девушка-регулировщица». Авторы: Я. А. Иманов и Б.А. Изборский. 1986. Воссоздание. 2008.

Из Охтинской летописи. Выпуск девятый. / Сост.: Н.П. Столбова. Под ред. Н.П. Столбовой — СПб.: ДДЮТ «На Ленской», 2011.

© Столбова Н.П. Подготовка к публикации. Составление. 2011
© ДДЮТ 2011

**«Этот день мы приближали как могли...»
(Красногвардейский район — Победе)**

Н. П. Столбова,
методист краеведения,
педагог дополнительного образования
ДДЮТ «На Ленской»

Во время Великой Отечественной войны Красногвардейский район не был прифронтовым, но Дорога жизни, связывавшая блокадный Ленинград со страной, проходила через Охту-Пороховые. Военную продукцию выпускали многие предприятия района, на артиллерийском полигоне за Ржевкой была организована контрбатареинная борьба, здесь же разрабатывались и внедрялись в производство новые виды вооружения. Рядом находился аэропорт «Смольное», единственный действующий в годы блокады аэропорт Ленинграда.

8 сентября 1941 года кольцо вражеских войск вокруг города замкнулось. Свободным оставался только узкий коридор, по которому проходила дорога в сторону Ладожского озера. Начались страшные почти 900 дней блокады Ленинграда, к защите которого Красногвардейский район готовился вместе со всем городом.

«Петрозавод» являлся головным предприятием, ответственным за работу одного из секторов внутренней обороны города, располагавшегося в районе Новочеркасского проспекта. Здесь был вырыт противотанковый ров, созданы две линии укреплений, оснащенных дзотами и площадками для станковых пулеметов.

В районе Пороховых были оборудованы пулеметные и огневые точки. Рядом со Ржевкой устроены бетонные противотанковые надолбы, на всей территории района возводились газо- и бомбоубежища, отрывались щели, укрытия.

На углу Большеохтинского проспекта и шоссе Революции находился регулировочный пост, направляющий машины на Пороховые. Далее путь шел по Рябовскому шоссе на Ржевку, затем на протяжении 45 км через территорию Всеволожского района к Ладожскому озеру.

Стратегическое значение станции Ржевка, находившейся на единственно действующей в это время железнодорожной ли-

нии — Ириновской, в годы войны было велико: через нее шли военные грузы и оборудование. 29 марта 1942 года при обстреле здесь взорвались два железнодорожных состава с боеприпасами. Станция была уничтожена, взрыв унес человеческие жизни, и только героическими усилиями пожарных, военных, служащих дороги, милиции, движение через станцию было восстановлено. С 1943 года после возведения временных мостовых переправ через Неву у Шлиссельбурга, основной грузопоток пошел в Ленинград от станции «Мельничный Ручей» по Ириновской ветке. Этим путем 7 февраля 1943 года прибыл на Финляндский вокзал и первый прямой пассажирский поезд из Москвы.

С территорией Красногвардейского района граничила территория аэропорта «Смольное», строительство которого началось 9 сентября 1941 года. На совхозном поле быстро построили взлетно-посадочную полосу, вырыли капониры для самолетов. Службы аэродрома размещались в соседних деревнях Смольное и Ковалево. Тогда же в срочном порядке из колонии «Смольнинская» было выселено проживающее там немецкое и финское население. Аэродром «Смольное» имел очень большое значение, так как находился ближе всего к линии фронта, а авиация стала надежным и крепким щитом «Дороги жизни».

В предвоенные годы на Артиллерийском испытательном полигоне, который существует за Ржевкой с 1878 года, прошла первые испытания установка залпового огня, получившая впоследствии широкую известность как «Катюша». С 1941 года полигон вошел в состав Ленинградского фронта и поддерживал своими дальнобойными орудиями операции Красной армии. Во время войны здесь продолжали испытывать продукцию военных заводов, в снаряжательных мастерских велись работы по подбору зарядов из порохов, которые можно было найти в осажденном городе, и комплектованию выстрелов.

Не прекращали работать в годы войны и предприятия района. В июле 1941 года часть оборудования Охтинского химкомбината была эвакуирована на Урал, в оставшихся цехах было развернуто производство боеприпасов, газа для аэростатов, антисептических средств. Зимой 1942 года на комбинате закончились запасы топлива, и по решению Ленинградского городского исполнительного комитета на окраинах города стали сносить деревянные дома;

позднее в районе Полюстрово начали добывать торф. Для спасения рабочих в 1942 году был создан стационар на тридцать человек, а весной 1942 года — подсобное хозяйство. Коллектив центральной заводской лаборатории получил препарат сульфазол, средство от желудочно-кишечных заболеваний, а также разработал технологию получения хвойного экстракта, который спасал людей от цинги. В конце войны почти тысяча пятисот охтинских химиков были награждены медалями «За оборону Ленинграда».

В годы войны «Петрозавод» изготавливал корпуса мин, бомб и снарядов. Всего до полного прекращения подачи электроэнергии завод выпустил около 90 тыс. корпусов мин и авиабомб, свыше 120 тыс. деталей для разных типов вооружения и боеприпасов. Переоснащались для военных нужд речные буксиры, суда для «Дороги жизни». Было подготовлено 118 самоходных тендеров водоизмещением 15—20 тонн и 14 барж грузоподъемностью до 900 тонн, на которых осуществлялись перевозки людей и продуктов по Ладожскому озеру.

Фабрика искусственного волокна «Пятилетка» (завод «Химволокно») выпускала противотанковые и противопехотные мины, ручные гранаты, 76-миллиметровые снаряды для пушек, пироксилин для снаряжения гранат. Предприятие «Русские самоцветы» наладило производство деталей оптических приборов, ручных гранат. Завод «Лепсе» («Знамя труда») занимался изготовлением корпусов для снарядов, снаряжением боеприпасов. Завод «Буревестник» выпускал артиллерийские снаряды. «Баррикада» и «Северный пресс» — противотанковые надолбы, гранаты, артиллерийские снаряды. Фабрика «Возрождение» — валенки.

В 1941 году завод «Полюстрово» выпускал небольшое количество минеральной воды для снабжения Смольного. В войну в парке был открыт бесплатный источник, и в тяжелые годы блокады выживаемость жителей территорий, прилегающих к источнику, была выше, чем в целом по городу; это было связано и с качеством воды, и просто с ее наличием и близостью.

В годы Великой Отечественной войны многие школы были закрыты или эвакуированы, но часть школ продолжала работать в блокаду. Всю блокаду работала 148-я школа на улице Панфилова (сейчас — Центр детского (юношеского) технического творчества «Охта»); работала школа 141-я: сначала в бомбоубежище на

улице Гусева, потом в здании на проспекте Metallистов, которое прежде было занято под госпиталь; шли занятия в 140-й школе, размещавшейся в дореволюционном здании училища Петра Великого. В разное время в годы войны работали: также 133-я женская школа на шоссе Революции (сейчас здание ГИБДД); 134-я мужская школа на Отечественной улице (до войны существовала под номером 3); 149-я школа на Челябинской улице (до войны — под номером 29); школа на «3 поселке» — сейчас улица Лесопарковая. В 140 школе училась Герой Советского Союза снайпер Алия Молдагулова, погибшая в январе 1944 года в бою в Псковской области. В память о ней установлена мемориальная доска на здании Охтинского детского приюта — детского дома, в котором она воспитывалась (сейчас Информационно-методический центр Красногвардейского района). Два детских дома — на улице Гурдина, 6 (теперь ул. Молдагуловой) и на Малоохтинском проспекте работали в войну. Работала Пороховская библиотека на 4-й Жерновской улице, весной 1942 года возобновились сеансы в кинотеатре «Огонек» на Большеохтинском проспекте.

На территории больницы имени Мечникова был развернут эвакогоспиталь Ленинградского фронта, который в начальный период войны принимал в сутки до 2000 раненых и больных. На территорию клиники были подведены трамвайная линия и железнодорожная ветка, по которым доставляли раненых и больных из города и с передовой. Еще ряд госпиталей был развернут на территории района в годы Великой Отечественной войны: в помещении школы № 141 — здании бывшей богадельни Елисеевых; в помещении библиотеки имени Джона Рида на улице Помяловского. В годы войны работали две поликлиники: одна при больнице имени Красина, другая — при больнице на Шепетовской улице.

На Большеохтинское кладбище во время блокады привозили своих близких родственники, доставляли и целые машины безвестных, умерших на улицах и в холодных квартирах людей. Здесь похоронены советские солдаты и офицеры, погибшие в советско-финской войне. Всю войну на кладбище был открыт Никольский храм, настоятелями которого были протоиереи Н. И. Ломакин и М. В. Славнитский. О больших потерях среди мирного населения Николай Ломакин рассказывал: «Вокруг

храма можно было в течение целого дня видеть груды гробов — 100, 200 гробов, над которыми совершал отпевание священник». Людей хоронили не в отдельных могилах, а в траншеях. Мерзлую землю взрывали, прокладывая длинные широкие рвы, куда укладывали мертвых. В конце траншеи ставили дощечку, чтобы потом можно было узнать, место погребения. В братских могилах на Большеохтинском кладбище лежат защитники города, похороненные в 1942—1943 годах. Братские захоронения проводились в годы войны и на Пороховском кладбище.

В предвоенные годы было ликвидировано Малоохтинское православное кладбище, но во время блокады здесь хоронили умерших от голода и болезней ленинградцев, общим памятником которым стал храм во имя Успения Пресвятой Богородицы на Малоохтинском проспекте, заложенный в 1996 году (арх. Ф. Романовский). Строительство церкви велось на добровольные пожертвования горожан. Каждый именной кирпич в стене храма — это своя история, а всего таких кирпичей было уложено более 5 000 штук. 8 сентября 2001 года, в 60-летнюю годовщину начала блокады, храм был освящен митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским Владимиром.

О войне, блокаде написано немало. Меньше воспоминаний о радостном Дне Победы. Вот как вспоминает о нем выпускница 1946 года школы № 140 Нина Стотик: «Через год закончилась война, и, хотя мы этого ждали каждый день, сообщение о подписании Акта о безоговорочной капитуляции Германии было неожиданным. 8 мая 1945 года нас из школы вывели на улицу к репродуктору. Говорили, что будет важное сообщение, но кончился школьный день, а сообщения не было, У нас дома радио не работало. Утром я пошла на трамвай к больнице Мечникова, чтобы ехать в школу, и встретила пожилого старшину из части, где служила моя мама. Он остановил меня и спросил, куда я иду. Услышав, что в школу, он сказал мне: «Какая школа! Война кончилась!». По его лицу текли слезы. У перекрестка шоссе Революции и пр. Ленина (Пискаревский пр.) шла демонстрация с флагами и смеющимися людьми. В школе была тишина, только в канцелярии и кабинете директора Людмилы Николаевны сидели наши учителя, многие плакали, так как горя у всех было много. Нас отпустили домой. Вечером был Победный салют!».

I. ДЕТИ ВОЙНЫ И БЛОКАДЫ

Блокадная судьба моей учительницы Татьяны Михайловны Файнерман

Калинина Любовь,
7 класс ГОУ № 515 «Гетешуле».
Руководитель: Т.М. Файнерман

Свою работу я посвятила моей учительнице — Татьяне Михайловне Файнерман. Во времена войны она, как и многие дети Ленинграда, была пленницей блокады, но пережила все трудности того времени, выжила, и смогла жить дальше. И не просто жить, но стать учителем истории! Татьяна Михайловна Файнерман добрый, чуткий и мудрый педагог, пережив блокаду, она смогла остаться человеком! Моя работа представлена в виде интервью с Татьяной Михайловной Файнерман. Я задавала вопросы своей учительнице, а она, как примерная ученица, отвечала на них. Интервью состоялось 19 декабря 2009 года. **Какой была жизнь до войны?** — «Мое детство началось в квартире на Васильевском острове, на Большом проспекте, но в 1940 году мы переехали на Охту, на улицу Миронова, д. 6, кв. 3. Наша семья состояла из четырех человек: мама, папа, брат и я. Моего папу звали Михаил Андреевич. Он был архитектором, а во время войны работал в Военно-Медицинской академии, восстанавливая здания после бомбежек. Погиб он от несчастного случая в 1943 году. После его смерти, мужем моей мамы и моим вторым папой стал его родной брат Николай Андреевич. Он женился на маме в память о брате и для помощи его семье. Он был инженером-строителем, в 1950-е годы проектировал улицу Лазо. У него на голове была большая копна черных волос. Маму звали Анна. В мирное время она не работала, а в войну занималась общественной работой. Моего брата звали Юрий, он был старше меня на 17 лет. С 1941 по 1958 год он служил в армии и был майором. В 1958 году демобилизовался и, вернувшись домой, стал архитектором». **Каким было для Вас начало войны?** — «Лето мы обычно проводили в селе Мартышкино. С нашего участка был виден

Кронштадт. Мне было тогда слишком мало лет, чтобы помнить, но я помню. Я была капризным ребенком и путала день с ночью. Однажды папа повез меня на улицу гулять, чтобы я заснула, и поставил меня лицом к городу. И вдруг за ним я увидела красные языки пламени. Это были первые взрывы фашистских бомб, но мои родные до сих пор не верят, что я могла это видеть». **Какими были блокадные будни?** — «Во время блокады у нас, как и у многих горожан было печное отопление, и мама сушила за печкой сухари. Однажды, уже к концу войны, мама нашла за печкой завалившийся мешок с сухарями, она долго плакала, а я не понимала почему, но когда я подросла, она мне рассказала, что в ту зиму мы голодали, а за печкой лежало такое богатство. Во время войны мама шила кукол для детских домов и белые воротнички для армии. Я когда подросла немного, рисовала куклам лицо с очень длинными ресницами, мне казалось это очень красивым, и плела им косы из мочала. Во время войны были тяжелые дни, но мама всегда говорила: «Всегда улыбайся и все будет хорошо». В нашем дворе продолжалось детство. В доме напротив жили мои подруги Юля и Галя Кудрявцевы (с Юлей потом я заканчивала школу). Они были моими хорошими подругами. Как-то их мама заболела и попала в больницу, а я как настоящая подруга копила в кармане передничка осколки сахара и относила им. Однажды мама увидела это и здорово меня отлупила, я потом это на всю жизнь запомнила. Так же в одном дворе со мной жили Боря и Маша Александровы. Я жила в 3-ей квартире, а в 4-ой жила тетя Нюра и ее два сына Валя и Женя Тихоновы. Это были мои самые первые друзья, «моя мужская команда». В войну, когда было затишь, все дети собирались во дворе и играли в обычные игры: мальчишки играли в городки или футбол, а девочки — в куклы. Когда мы собирались все вместе, то дружно и весело играли в лапту. В такие моменты хотелось забыть о том, что сейчас идет война. Всех детских игр я, конечно, не помню, но помню одно, наверное, очень важное: в то время никто никого не обижал. Летом я ходила к фабрике «Возрождение», где собирала крапиву и лебеду, а мама варила из этого суп. Так же летом нам дали участок на месте нынешнего стадиона, и мы засеяли его капустой. Помню, немцы бросали зажигалки, а я их вытаскивала, помню, были тепленькие, а что и как не помню. В нашем доме было 6 квартир, и

все соседи были очень хорошие, ребенка они всегда хоть кусочком, хоть крошечкой, но все равно угостят-подкормят». **Самое страшное военное воспоминание?** — «Однажды была сильная бомбежка, но далеко от нас, и поэтому мы оставались дома. Хотя она и была далеко, но взрывы и вибрация были такими, как будто она здесь совсем рядом. Я стояла спиной к окну, когда раздался страшный грохот, такой, что даже наш сервант с посудой накренился. Это, как потом мы узнали, от сильной вибрации обвалился соседний дом. Я после того случая почти оглохла, мир вокруг как будто перестал звучать. Это произошло от страшного грохота и сильного шока. Но врач, к которому мы обратились, сказал, что после войны меня надо отдать в музыкальную школу, и слух восстановится. Так оно и случилось, но никогда не смогу забыть тот ужасный грохот и страх, который я испытала». **Было ли в войну, что-то как у обычных детей?** — «Конечно, было, но не совсем обычное. Моим первым словом в жизни было «Отбой», и я всегда, с самого первого раза как его произнесла, после бомбежки кричала «Отбой!» и очень радовалась, как дети радуются новой игрушке. **А какой была самая заветная мечта?** — Самой заветной мечтой было: «Скорей бы это кончилось, не стреляйте!» **Каким Вы помните конец войны?** — «Почти вся наша семья осталась жива, как будто нас охранял ангел. Был накрыт большой стол, за которым собрались папа, мама, дяди, тети, двоюродные братья и сестры, мой родной брат и я. Все очень сильно радовались концу войны и тому, что остались живы». **Каким было послевоенное время?** — «Помню, к нам на Среднеохтинский проспект привезли немецких мальчишек лет 14—15, которые участвовали в строительных работах. Кормили их плохо, и они выглядели как блокадные ленинградцы. Моя мама подкармливала их, чем могла, а я ее все время спрашивала: «Мама, а почему ты кормишь немцев?». А она всегда отвечала: «Ты еще маленькая, еще не понимаешь!». Из-за войны я не могу смотреть фильмы со стрельбой или грохотом. Через какое-то время после победы мы с мамой пошли в кинотеатр «Огонек» на фильм «Она защищала родину». Мне тогда было 7—8 лет, и я тогда потеряла сознание. С тех пор я даже не пытаюсь смотреть громкие фильмы. После войны я сначала училась в 144 школе на Горушечной улице (Большеохтинский проспект), а потом в 148 школе. Закончила школу с золотой

медалью и поступила в Педагогический институт им. Герцена». **Почему Вы стали учительницей?** — «Еще в школе, в 6 классе, я решила, что стану учительницей истории, а мама с папой в один голос заявили, что только «через мой труп!» Но я все же поступила в Герцена, а потом пришла на работу в 1964 году в 515 школу. И вот уже 45 лет работаю здесь, и все делаю с любовью!» **Чему научила Вас война?** — «Всегда быть сильной с самого детства, и всегда идти до конца». **А сейчас Вы отмечаете День Победы?** — «Обязательно! Всей нашей семьей, как и в первый раз за большим и круглым столом!».

В заключение я и мои одноклассники хотели бы выразить большую благодарность Татьяне Михайловне за ее труд и любовь и пожелать ей крепкого здоровья, долгих лет жизни и чтобы счастье не покидало ее! Я надеюсь на то, что смогла донести до вас частичку жизни Татьяны Михайловны Файнерман и теплое и доброе отношение нашего класса к этому замечательному педагогу, и в первую очередь хорошему человеку!

Родом из блокады: Гаврюк Галина Васильевна

Творческий коллектив
учащихся 8 «б» и 10 «б» классов ГОУ № 143
Руководители: О. А. Забельская, Н. И. Ярыгина

Давно закончилась Великая Отечественная война, но в памяти людей до сих пор живы картины той ужасной войны. Имена героев, совершивших боевые подвиги, хорошо известны, о них написаны целые тома книг. Но все люди, прошедшие эту войну, будь то маленький голодный ребенок блокадного Ленинграда, женщина, стоявшая у станка, старик, копавший окопы, санитарка, выносившая раненых с поля боя, хирург, делавший операции в тыловом госпитале, настоящие герои. Возможно, они не имеют орденов и медалей, но они тоже приближали нашу Победу. Их мужество, стойкость духа достойны уважения.

В своей работе мы хотим рассказать о Галине Васильевне Гаврюк, библиотекаре Государственного общеобразовательного учреждения средняя общеобразовательная школа № 143 с углубленным изучением английского языка Красногвардейского района Санкт-Петербурга — школы, где мы учимся. Именно

Галина Васильевна неоднократно проводила в наших классах Уроки Мужества.

Вот уже более 50 лет Галина Васильевна Гаврюк работает в нашей школе, которая стала ей вторым родным домом. Галина Васильевна, старейший работник школы, большой друг учителей и учеников. Двери нашей библиотеки всегда открыты для читателей: библиотекарь поможет не только в выборе книги, подборе материалов для подготовки доклада или реферата, но и всегда даст мудрый совет.

Галина Васильевна Гаврюк родилась 8 января 1938 года. Она — дитя блокадного Ленинграда. Хотя во время войны она была совсем маленькой, но сохранила очень яркие воспоминания о том времени. Во время рассказов Галины Васильевны мысленно переносимся в блокадный Ленинград, видим безлюдные прямые улицы — город тих и пустынен. Замерли просторные площади, лишь ветер налетает порывами, разметая колючую снежную пыль. Закрашен золотой купол Исаакия, не поблескивает шпиль Адмиралтейства, баррикадами перерезаны улицы. Оборвалась мирная жизнь. Война пришла в город, изменила судьбы людей, которых ждали страдания, расставания, смерть...

Отец Галины Васильевны, Василий Васильевич Арсеньев, в 1941 году был отправлен под Омск с оборудованием завода, на котором работал. Он не успел даже проститься с семьей. В Сибири, под открытым небом, несмотря на сорокоградусные морозы, кое-как обустроившись, рабочие начали выпускать танки для фронта. Мама же Галины Васильевны, Людмила Георгиевна Шитарева, осталась в осажденном городе с двумя маленькими детьми (у Галины Васильевны в 1941 появилась сестренка Тамара). Холодной страшной зимой, оставив детей дома, женщина ходила на уборку снега, разбирала разрушенные дома на дрова. Многие женщины ходили в село Рыбацкое собирать вывернутую взрывами снарядов картошку, чтобы прокормить голодных детей.

Однажды мама не вернулась домой ночевать: из-за обрушения двух каменных зданий было поставлено оцепление. Боясь дальнейшего обрушения, милиционеры не пускали женщин в этот район. А в это время, четырехлетняя Галя сидела дома в темноте. Голодная, испуганная девочка понимала, что ей необходимо выйти к людям, на улицу. Но для этого ей нужно было

на руках вынести по лестнице сестренку, а сил совсем не было. Забившись в угол, девочка звала маму и ждала, ждала... Помогли девочкам санитарки. Девушки с сумками через плечо собирали детей, оставшихся без взрослых, и провожали их в бомбоубежище. Там мама и нашла своих малышек. В бомбоубежище маленькой Гале, очень нравилось. Там было тепло, спокойно, топилась печка. Детям давали теплую сладкую водичку, и сразу становилось не так страшно.

Утром, рано-рано, уходила мама из дома. Темно, холодно, слышны взрывы, и по радио стучит метроном: тук-тук-тук — бьется сердце Ленинграда. Маленькая сестренка лежит в колыбельке и вместо пустышки или бутылочки с молоком сосет кусочек измельченного хлеба, завернутого в марлю.

Гале постоянно хотелось есть. Девочка сообразила, что можно пить воду, это притупляло режущее чувство голода. Через некоторое время у Галины началась водянка. А еще через несколько месяцев она попала со скарлатиной в Боткинские бараки (больница им. С. П. Боткина). Она рассказывает, как в больнице дети в игру играли: нажимали пальцем на пухлую руку, появлялась от водянки ямка. У кого быстрее она пропадала, тот и победил.

Девочка знала, что мама не может часто ее навещать: изможденной женщине нужно было идти пешком через весь заснеженный, обстреливаемый город. Да ей и не с кем было оставить младшую дочь. Мама на себя и на дочерей получала всего 375 граммов хлеба в день, она не могла принести дочери гостиница. Но Галя все равно сидела на подоконнике часами и глядела в окно. И однажды она увидела маму. К Людмиле Георгиевне подошел военный и протянул два яблока. Истощенные, голодные, больные люди стремились помочь друг другу, делились всем. Санитарка передала яблоки Гале. Зубы у девочки шатались, она никак не могла откусить кусочек. Галя с удивлением глядела на фрукты, она не помнила ни их названия, ни их вкуса. Четырехлетняя девочка, отчаянно хотевшая есть, всегда думала о сестренке, она попросила санитарку вернуть маме одно из яблок. Передали. Не украли. Не взяли себе. И в самые тяжелые минуты ленинградцы «не теряли лица».

А на новый 1942 год детям давали угощение — шоколад. Это были пластинки подвяленной на буржуйке красной свеклы и ле-

пешки из мороженой картошки. Детям казалось, что ничего вкуснее они еще не ели.

Вспоминает Галина Васильевна и свою первую игрушку — мама на рынке купила детям двух зайцев, сшитых из солдатской шинели. Сестренка разорвала «пузико» зайцу, в надежде найти что-нибудь съестное. Посыпались опилки. Девочка заплакала. Она не могла играть, она хотела есть.

Однажды в дом, где жила семья, попал снаряд. Тогда, не дав времени на сборы, людей повезли к Ладоге. Девочка успела схватить со стола чайник, как потом оказалось, она так крепко вцепилась в ручку, что только на катере смогли разжать ей руку, сжимавшую ручку чайника, как будто это был спасательный круг.

В душе Галины Васильевны сохранилось еще одно воспоминание: катера двигаются по Ладоге, в небе визжит самолет, на берегу ухают пушки. Растерянная, потрясенная, оглушенная девочка не испытывает страха. Детская душа опустошена. Она устала бояться.

Три месяца добиралась семья до Омска. Самым радостным моментом стала встреча с отцом. Тяжело жили люди и в тылу. Однажды мама Галины, когда у нее украли продовольственные карточки, прошла 7 километров пешком до завода, и папа передал через колючую проволоку котелок с супом. Охранники увидели, хотели судить, угрожали расстрелом, но тогда Василия Васильевича спасли слова: «Расстреляйте и мою семью. Она умирает с голоду». Василия Васильевича оставили в живых, семью поселили в бараках.

Самое яркое воспоминание Галины Васильевны — это, конечно, 9 мая 1945 года: «Все люди вокруг смеялись, плакали, обнимались. Невозможно передать эмоции, охватившие людей в этот знаменательный день! Потом все-все шли к железной дороге встречать поезд с возвращающимися солдатами...».

Война наложила страшный отпечаток на души людей. Галина Васильевна рассказывает, что до сих пор любит просто смотреть на еду, не может никогда выкинуть ни кусочка хлеба. До сих пор в душе у нее зарождается страх при звуке летящего самолета, не забыть те ужасы и страдания, которые принесла война...

В годы кровопролитных сражений страна делала все, чтобы уберечь детей от страданий, но порой эти усилия оставались

тщетными. И когда дети беспощадною волею войны оказывались в пекле страданий и невзгод, они вели себя как герои, они осилили, вынесли то, что, казалось бы, и взрослому не под силу! Вечный покой и слова благодарности всем, пострадавшим за наше сегодняшнее счастье! Война показала: народ, отстаивающий свою свободу и независимость, объединенный любовью к Родине, непобедим!

Ленинградцы всегда любили свой город. Любили, как любят воздух, которым дышат. Любовь эта так естественна, что люди не замечали ее, как не замечают биения собственного сердца. Но когда сердце ранят, по силе боли узнаешь глубину любви.

Мы убеждены, что становимся петербуржцами не только по праву рождения или по месту жительства, но по духу, по воспитанию, по привязанности к родному городу! Мы — петербуржцы-ленинградцы, мы есть душа города и свет в его будущем, и нет нам преград к становлению истинными гражданами своего города, своей страны!

Девочка из блокады с одеялом на голове...
(по воспоминаниям Ирины Павловны Соболевой)

Голикова Екатерина,
9 класс Вторая Санкт-Петербургская Гимназия
Краеведческое объединение «Охта»
ДДЮТ «На Ленской»
Руководитель: Н. П. Столбова

В конце июня, когда внезапно началась война...

Великая Отечественная война с каждым днем уходит от нас все дальше и дальше. Когда она началась, мои дедушки были ясельными детьми, а бабушки еще не родились. Но их родители и многие наши родственники приняли тот смертельный бой и победили, заплатив за это огромной ценой своими жизнями и своими судьбами.

Когда я решала, кому посвятить исследовательскую работу, то столкнулась с очень сложным выбором, потому что посвятить ее можно было многим из моих родственников. Моему прадеду Григорию, с начала войны рядовому, а с марта 1942 года новоиспеченному младшему лейтенанту, командиру стрелкового взво-

да, получившему страшное ранение во время наступления наших частей в районе Лигово... Моему прадеду Владимиру, сотруднику Ленинградского уголовного розыска, умиравшему в блокадном городе от голода, но продолжавшему ловить диверсантов и преступников... Моей двоюродной прабабушке Христине, вернувшейся в Ленинград в начале сентября 1941 года, перед самым началом блокады, когда многие уезжали, спасшей своего брата, моего прадеда от голодной смерти, работавшей на Дороге жизни... Но посвятить свою работу я решила человеку, который не участвовал в боях, ребенку, который своей верой в жизнь, вопреки всему выжил в блокадном Ленинграде — моей двоюродной бабушке Соболевой Ирине Павловне, которая, к счастью, жива, и поэтому ее воспоминания о тех блокадных днях для меня бесценны.

Данный рассказ был записан мной на диктофон осенью 2010 года в ходе нескольких встреч с Ириной Павловной. Каждая глава была посвящена отдельным воспоминаниям Ирины Павловны Соболевой. Когда я задавала вопросы, Ирина Павловна то смеялась, то плакала: ей было очень трудно вспоминать те ужасные дни. Рассказ ее был красочен и мрачен одновременно, что мне показалось, что я на минуту очутилась там, в осажденном городе и ощутила тот страх, который будучи ребенком испытала моя двоюродная бабушка.

29 мая 1941 года Ире исполнилось 10 лет, и родители отправили девочку на лето в пионерлагерь в Толмачево, под Лугу, чтобы она отдохнула. Там ее и встретила война: «В конце июня, когда внезапно началась война, лагерь быстренько свернули. Не помню, какого числа нас должны были привезти в Ленинград, но этого не произошло. Мои родители пришли на Витебский вокзал меня встречать, долго ждали, но в назначенный день я так и не приехала», — так начинает свои воспоминания И. П. Соболева.

Вскоре детей погрузили в Толмачево в товарные вагоны, и они поехали в Ленинград. Внезапно вокруг начали рваться бомбы, и поезд остановился. Дети по команде пионервожатой «как горох скатились с товарного вагона под откос и там прятались, спасаясь от бомбежки. Кого-то ранило, кто-то погиб. Наша пионервожатая была очень внимательная, оберегала нас, как могла, только что собой не закрывала. Так мы просидели в каком-то леске без еды почти двое суток, пока не подогнали новый поезд с то-

варными вагонами. Из-за бомбежки я потеряла свой рюкзачок со всеми вещами и сандалики, потом так и ходила в одних носочках». Когда приехали на Витебский вокзал, детей уже никто не встречал. Более того, сведения о том, что поезд с детьми из Толмачево разбомбили фашисты, дошли до родителей, и многие родители думали, что дети погибли.

К счастью, семья Ирины жила не так далеко от Витебского вокзала, в угловом доме 45/2 по проспекту 25 Октября (ныне угол Невского проспекта и улицы Рубинштейна), и дорогу домой она хорошо знала. «...Уже на Загородном проспекте обратила внимание, что все окна в домах были заклеены. Я дошла по Загородному до Пяти углов, затем свернула на Рубинштейна. Когда пришла домой, мама так растерялась, так расплакалась, ведь она думала, что меня уже нет в живых...». После благополучного возвращения Ирина как-то с соседкой-подружкой решили пройти по магазинам, купить что-нибудь из продуктов. «...Было это в июле 41-го года. Сначала мы долго ждали трамвая на проспекте 25 Октября, но так и не дождались. Тогда по середине проспекта 25 Октября ходили трамваи-«американки»: такие широкие, красные и вдоль всех стен сиденья. Мы прошли пешком от Фонтанки до Васильевского острова, но так ничего и не смогли купить, в магазинах на полках было пусто, все продукты мгновенно исчезли, а вскоре появились карточки...».

Семья жила на последнем пятом этаже. В очень большой восьмикомнатной коммунальной квартире, занимали две комнаты 30 и 16 кв. метров. Три окна выходили прямо на проспект 25 Октября и были заклеены. На всех многочисленных жильцов квартиры была одна кухня, одна, правда, большая ванная комната и один туалет. При этом квартира была очень чистая. До блокады из нее уехали только одни жильцы, все другие, как и Ира с мамой остались в Ленинграде.

Когда началась война, отец Иры работал на заводе Ленина, который располагался на проспекте Обуховской обороны. «...По словам мамы, у него была бронь, но он все равно пошел на фронт. Так мы остались с мамой вдвоем. Нам выдали две карточки: маме иждивенческую, так как она не работала, а мне — детскую. На ту и другую можно было получить по 125 граммов хлеба и все, больше ничего не давали. У мамы, конечно, были в запасе какие-то продук-

ты: рис, крупы, но их хватило на месяц. При этом мама, конечно, старалась, побольше еды отдать мне».

Осенью 1941 года отец Ирины, как мог, помогал жене и дочке, присылая с посыльным сухари, которые ему давали в качестве сухого пайка. А в конце 1941 года он однажды внезапно пришел домой. Это был день, когда Ира в последний раз видела папу. В начале 1942 года он погиб под Шушарами.

Рядом с их квартирой была еще одна большая коммуналка. «...В ней жила женщина, которая работала на мельничном комбинате на Обуховской обороне и приносила оттуда отруби. Делала она это тайком, привязывая под одежду полулитровую баночку. Можно ли ее за это осуждать, ведь дома ее ждали трое голодных детей. А тут еще я регулярно к ней заходила. Сейчас я уже даже не помню, как звали эту женщину, но она почему-то меня никогда не выгоняла, только вздохнет тяжело, да скажет, бывало: «Ира, опять ты пришла». А мы ждемся около печурки все грязные, маленькие. Когда она приходила, то сразу ставила кипятить воду, а мы аккуратно опускали в нее драгоценные отруби. Потом, когда эта нехитраястряпня сготовится, она мне положит что-то, и я бегу к матери. Вот так и выживали...». Пока мама Иры могла, она при бомбежках все время стояла на крыше дома № 41 по проспекту 25 Октября, поскольку там размещался райком партии (Дворец Белосельских-Белозерских), сбрасывала с крыши или гасила зажигательные бомбы. «...Я неоднократно бегала к ней смотреть, как гасят зажигательные бомбы. На крыше лежало много мешков с песком. Если зажигалка попадала на крышу, бежали и бросали на нее этот мешок. Помню, как напротив этого дома раньше был жилой дом (потом уже после войны отстроили исполком Куйбышевского района). В этот жилой дом попала бомба, и прошла его с самого верхнего этажа до самого низа. И вот как сейчас помню: сохранилась стенка дома, у стенки на высоте третьего этажа остался кусок пола, на котором стояла кровать, на ней сидела женщина, и перед ней висел такой большой портрет то ли Буденный, то ли Ворошилов на коне, а женщина все кричала: «Помогите, помогите...». Было ужасно страшно, все там обрушилось, а этот кусочек остался. И вот сандружинницы — девчонки лет по четырнадцать — шестнадцать лезли туда в завалы. Сколько они спасли людей эти девочки, а как нас детей оберегали...».

Слушая Ирину Павловну, становится страшно, но в действительности было еще страшнее. «...Люди обессилили настолько, что никакие двери в квартирах уже не закрывали. По пустым коридорам гулял ветер. Вот тогда некоторые нелюди и стали наживаться. Одни страдали, умирали, а другие ходили и воровали. Дворники, некоторые, например, за счет этого хорошо жили. Но все-таки самым страшным испытанием был голод...».

Когда все время хочется кушать...

Голод был самым страшным испытанием для всех. «...Я была очень самостоятельной, настолько самостоятельной, боевой, что не передать. Вот сейчас вспоминаю и спрашиваю себя: как я могла выжить? Когда не было продуктов, мы с мамой варили и ели столлярный клей. Также у мамы нашлись какие-то кожаные ремни, мы их тоже варили. На общую кухню уже никто не ходил, мы с мамой готовили прямо на буржуйке, которая стояла в нашей комнате. Но зимой 1941 года у мамы началась дистрофия, и она слегла, а все житейские тяготы легли на мои детские плечи...».

Неработающие магазины, в которых ничего не осталось, все-таки иногда сулили неожиданные находки. «...Во время войны я бегала к гастроному, что располагался на углу проспектов 25 Октября и Владимирского, раньше там был Соловьевский магазин, в котором было полно самых разных продуктов. А в войну из магазина выкидывали ящики, в которых в бумаге иногда оставались съестные крошки. Для нас, местной ребятни, это было что-то невероятное. Мы все бегали туда и с замиранием сердца ждали, когда же выкинут ящики...». Только в квартире, где жила Ира с мамой, было восемь детей, а на лестничной площадке шестнадцать или семнадцать. Все они носились возле этого магазина. «...Если выбрасывали ящик, то устраивали драку, боролись, кому достанется ящик и самое ценное в нем — бумага, которую можно полизать. И я старалась не уступать мальчишкам. Правда потом этот магазин прикрыли, но я быстро нашла другую лазейку. Прямо под нашим домом в полуподвальном помещении размещалось кафе-автомат (сейчас там «Макдональдс»), в нем варили конину, а я ходила и собирала, то, что там выбрасывали. А что было делать?», — с ужасом вспоминает Ирина Павловна.

Когда настали сильные морозы, было очень холодно. Мама

Иры лежала, уже не могла вставать, печь топить было нечем. Ира ходила в булочную, которая была напротив их дома через проспект. Она и сейчас там существует. «...А как мы отоваривали карточки? Вот у нас две карточки по 125 граммов хлеба на день и все. Встану в очередь, а карточки уже отоварены на несколько дней вперед. А я все равно стою и прошу: «Тетенька, ну дайте мне вперед хлеба, тетенька...». Не уходила ни за что. Продащица мне: «Иди, иди», — а я стою и прошу. Видно я быстро примелькалась, поскольку все время вперед просила, а вид у меня был ужасный: на голове одеяло, сама одета во все, что только было дома, грязная, чумазая и все стою и прошу: «Дайте мне вперед хлеба, дайте хлеба». Мне всегда давали...».

Голод заставлял людей совершать самые безумные вещи. «...В одной из комнат соседней 14-ой квартиры жила одинокая женщина, и у нее была кошка. Когда стало совсем плохо с едой, кошечка исчезла, а истощенная соседка на время превратилась в сытую и довольную даму. Ходила, даже песни распевала...».

В блокаду многие ленинградцы жили ужасно, но опять же не все. «В соседней с нами комнате 30 метров жила некая Ольга Васильевна, ее муж ушел на фронт и попал в обоз, прошел всю войну, остался жив и постоянно присылал ей передачи. А что он слал из Германии в конце войны... Если у нас на окнах висели старые простыни, то у нее шикарные шторы, комната буквально ломилась от всяких дорогих вещей».

Так в доме за блокаду умерло очень много людей. В первую очередь умирали дети и старики. К концу блокады подростков, которые раньше жили в доме, почти не осталось. Все они умерли.

Вовка-хулиган...

В соседней коммунальной квартире жила семья, в которой был парень, звали его Вовка. Всего в их семье было трое детей. В начале войны Вовка с кем-то подрался, и его посадили. «...Никогда не забуду день, когда его выпустили из тюрьмы. Зима, холод, квартира пустая, ветер свищет по коридору, и вдруг вижу, прямо на меня идет этот Вовка. Идет в бушлате нараспашку, при этом такой тощий-тощий, и что-то мне говорит. Меня такой ужас охватил, что я чуть дара речи не лишилась. А через несколько дней пошла я в булочную, отоваривать карточки. Вновь молила продав-

щицу выдать мне хлебушка вперед. Наконец, она сжалась и дала мне хлеба, только я повернулась, а тут, как из ниоткуда, этот Вовка, подскочил ко мне и выхватил у меня весь хлеб, упал тут же в булочной на пол и все съел. А я стою и плачу. Вернулась домой без хлеба. А через два дня Вовка умер от истощения. Его мама, тетя Настя, вытащила этого Вовку на площадку, завернутого в простыню, перевязанного всякими разными веревками, а потом мы этого Вовку вдвоем с тетей Настей катили с пятого этажа. Хоронить было некому. И мы вдвоем, сами обессиленные, в лютый мороз потащили его до Сада отдыха, который напротив Елисеевского магазина (Екатерининский сад). До войны в этом саду было так шикарно: играла музыка, были танцы, все приходили такие нарядные... А во время войны там складывали трупы. Мы там и бросили Вовку». Вот такие подробности, которые не так часто публикуются, есть в рассказе Ирины Павловны.

За водой на Фонтанку...

За водой ходили на речку Фонтанку. «...Немножечко надо было перейти дорогу, и недалеко от Аничкова моста была прорубь. Но что я могла унести в 10 лет? Бидончик. В то время весь снег не вывозили, а сбрасывали в речки, в том числе в Фонтанку, поэтому съезжать к проруби надо было на попе. И вот я садилась и съезжала к проруби. Там всегда стояла очередь, но я в ней никогда не стояла, все время просила, чтобы мне зачерпнули и быстрее — домой. Съехать вниз легко, а как подняться обратно? Все люди были обессиленные, а кругом этой насыпи был сплошной лед, идти и то невозможно. Но кое-как я все равно добиралась и приносила воду домой. Дома была такая большая-большая кастрюля, в нее наливали воду, потом бросали туда хлеб, если, конечно, его удавалось добыть, это и было едой на целый день. Литров пять воды и грамм двести хлеба». Так Ира спасла маму и себя от голодной смерти.

По Дороге жизни...

«В начале марта 1942 года дядя Эльмар прислал маме сообщение: «Уезжайте или умрете». Положение жителей осажденного города было очень тяжелое. Уехать из блокадного Ленинграда можно было только по льду Ладожского озера, а оно скоро должно было вскрыться. Поэтому Ирина с матерью стали собирать-

ся. Но ничего из вещей взять с собой не смогли, так как были сильно истощены. Кое-как добрались до Финляндского вокзала, там их погрузили в товарные вагоны, и они поехали до Кокорево. «...Там нас погрузили в полуторки. Открытый кузов, а вокруг ужасный мороз, очень сильный, лютый ветер, продувало со всех сторон. А люди ехали все истощенные. Меня поставили около борта на колени, и так я переехала через всю Ладогу. А машины были полностью забиты людьми. Нас перевозили ночью. Сплошная темень, и только свет фар машин. Мне казалось, что переезд длился бесконечно долго. Шла длинная вереница машин. Ехали они со скоростью около 10 км/ч. Прямой дороги не было. Трасса все время петляла, кругом полыньи. Несколько машин перед нами провалились под лед, хотя на каждом повороте стояли девушки-регулирующие, которые указывали путь. Бедные девушки, как они могли там стоять да еще регулировать движение на таком морозе и ветру! Когда приехали на ту сторону, в Кобону, я не могла встать, примерзла. Какой-то военный меня снял с машины и принес в барак. Казалось все позади, мы на Большой земле, и тут началось самое страшное: дали гречневую кашу. Мне не передать, как люди ее ели: жадно, быстро, не пережевывая. Ели ... и умирали. Смотришь, этот умер, тот умер, еще один умер...».

Прожили Ира с матерью в Кобоне около недели. И это была для них мука, не легче, чем в Ленинграде. Холодно, и снова нечего есть. В начале накормили, а потом все, тогда ведь весь Союз голодал. Наконец, их погрузили в товарные вагоны и отправили через Молотов в деревню к бабушке с дедушкой. «...Во время остановок на полустанках я прыгивала с высокого товарного вагона, и что есть мочи неслась, как сейчас помню, с каким-то котелком на вращающийся пункт. Набирала в этот котелок какой-то еды и бежала обратно. Как я не путалась, как все находила? Наверное, понимала, что если не я сама, то уже некому будет помочь».

Возвращение в блокадный Ленинград...

Но в деревне они прожили чуть больше года. Хотя там было с продуктами лучше, чем в блокадном Ленинграде, все равно жилось тяжело. Бабушка с дедушкой были уже старенькие, а тут на их голову свалились Ирина с мамой. «...Мама, когда чуть поправилась, сразу стала искать работу и никак не могла найти.

Поэтому, когда в январе 1943 года наши войска прорвали блокаду, мама завербовалась в Ленинград на джутовую фабрику в районе Лесного проспекта, где ткали мешковину и делали различные изделия для фронта. Иначе нас в осажденный врагом город никто бы не пропустил...».

Обратно в Ленинград они уже ехали в обычном пассажирском вагоне. Когда пришли домой, оказалось, что их комнаты уже занял какой-то проходимец. Правда, появление настоящих хозяев было для него неожиданностью, поэтому комнаты были заперты на несколько замков, но самого жильца не было. «...Так как я была маленькая, да боевая, то быстро нашла местных ребят, которые по моей просьбе с радостью переломали на дверях все замки, и мы заселились в свои комнаты...». Вскоре явился «хозяин», топал, ругался, орал на весь дом, грозил, что подаст на них в суд, но они-то были у себя дома, и им некуда было уходить. «...Поорав, он исчез, больше мы этого человека никогда и не видели...».

Сегодня я живу в прекрасном Санкт-Петербурге, но моя двоюродная бабушка Ирина Павловна Соболева называет этот город только Ленинградом. Она считает себя настоящей ленинградкой, одной из тех, кто в 1941—44 годах не позволил фашистам вернуться в город, кто выжил наперекор смерти и во имя тысяч тех ленинградцев, которые умерли в этой страшной блокаде.

Слушая ее, я понимаю: я тоже ленинградка, и не важно, что сегодня у города другое имя. Мы корнями из той блокады. Пока память о тех испытаниях жива и хранима, мы будем ленинградцами — потомками людей, победивших фашизм и смерть.

У моей двоюродной бабушки нет медалей и орденов, есть только знак «Житель блокадного Ленинграда». Но они ей и не нужны, потому что тогда в блокаду о наградах никто не думал. А высшей наградой было остаться в живых. И ее Ирочка получила.

После войны Ирина Павловна работала диспетчером в таксомоторном парке и именно там нашла своего спутника жизни — Владимира, судьба, которого тоже интересна, но об этом в следующем моем рассказе.

Три года смерти — три года жизни (записки Жени Чиликиной)

Солдаева Наталия,
7 класс ГОУ № 147.

Руководители:

С. М. Соколова, Л. А. Милованова, С. Б. Солдаева

Моя работа посвящена судьбе моей бабушки Евгении Васильевны Чиликиной. Бабушка часто рассказывает мне о войне, о блокаде, о жизни в детском доме. Хотя ее рассказы почти всегда грустные, я очень люблю их слушать. Меня восхищает, с каким мужеством, честью и терпением люди переносили выпавшие на их долю тяжелые испытания. Особенно нелегко приходилось детям, но и они старались не отставать от взрослых, помогать Родине всеми силами, оставаться хорошими людьми, несмотря ни на что.

Очень жалко, что бабушка сама никогда не вела дневника и вообще ничего не записывала. У нее очень хорошая память, она до сих пор помнит в деталях множество историй из своего детства. Мне очень хочется поделиться с другими ее рассказами, прекрасными и одновременно тяжелыми и поучительными. Поэтому я решила записать их со слов бабушки, чтобы они хранились в нашей семье, чтобы мои дети и внуки тоже знали о войне, об испытаниях, посланных людям, и о том, как стойко они переносили все несчастья.

Все, что случилось с бабушкой во время этих страшных дней блокады, я как будто пережила сама. В моем рассказе нет ничего вымышленного — только то, что было на самом деле. Я думаю, такие воспоминания были у тысяч детей, прошедших блокаду.

Война, как огонь, как пожар, сжигающий все, к чему прикоснется, разрушила миллионы жизней, принесла с собой горе и слезы. Но, глядя на свою бабушку и других людей, переживших блокаду, слушая их воспоминания, я понимаю, что война в то же время закалила их, научила стойко переносить невзгоды и не отступать перед трудностями, не бросать в беде даже незнакомого человека, помогать и поддерживать других, любить и защищать Родину.

Я назвала эту работу «Три года смерти — три года жизни». За 900 дней блокады жители Ленинграда выдержали бесчисленное количество испытаний. Многие погибли. Не было ни одной се-

мьи, где не оплакивали бы смерть близких. Но город выстоял. Люди сумели сохранить в себе человечность, патриотизм, любовь к жизни. И вместе с ними моя бабушка. И я этим горжусь.

Три года блокады — три года испытаний для ленинградцев, но жизнь в городе продолжалась. Для бабушки эти три года стали годами взросления. В 13 лет она познала лишения и смерть близких людей, но смогла остаться веселой и доброй девочкой. Из рассказов бабушки я узнала, как дети помогали взрослым: тушили «зажигалки» на крышах, ходили за водой, работали на заводах. Дети в эти страшные дни учились, дружили, играли, а в детском доме даже частенько шалили. Бабушка вспоминает детский дом всегда с теплой улыбкой. На всю жизнь она сохранила память о своих товарищах, они ездят друг к другу в гости, переэваниваются, переписываются. Все ребята из детского дома стали настоящими людьми, всю жизнь работали на совесть. За самоотверженный труд моя бабушка награждена орденом Трудовой Славы III степени, памятным знаком «Ветеран Труда», она — Победитель социалистического соревнования, Ударник коммунистического труда.

Моя бабушка Чиликина Евгения Васильевна родилась 25 марта 1929 года в Ленинграде. В 8 лет пошла в школу под № 27 (школа находилась в упраздненном переулке, ныне улица Володи Ермака). 31 января 1939 года вся семья переехала в Гатчину, где вместе с сестрой училась в школе № 2. Она была пионером. С удовольствием выполняла общественное поручение — была санитаркой: когда начинался урок, и ребята вбегали в класс, Женя стояла у входа и проверяла чистые ли руки у одноклассников, грязнули отправлялись умываться. Зимой она очень любила кататься на санках и лыжах. Вспоминая все это, бабушка говорит: «Жизнь в Гатчине — это сказка...».

В июне 1941 года, когда Жене было 12 лет, их семья: папа, мама, Женя, ее старший брат Володя и сестра Катя, которая была старше на 2 года — жили в Гатчине в доме № 55 на ул. Чкалова. Папа работал портным в Ленинграде, мама занималась домашним хозяйством и воспитывала троих детей. Тогда Женечка перешла в пятый класс.

Начало войны бабушка вспоминает так: «22 июня мы с Катей надели новые платья и собираемся в парк гулять. Сидим за сто-

лом, пьем кофе, и вдруг по радио объявляют, что началась война. Так страшно мне никогда еще не было. С этого дня жизнь разделилась: «до войны» и «война»...».

Бабушка очень боялась, что папу заберут на фронт, что семья останется без него. «...Буду стоять у ворот и не пушу дядю, который принесет папе повестку на фронт». Через две недели папу забрали на фронт. «...Папочка, милый, любимый папочка, поскорее разбей врага и возвращайся домой. Нам очень плохо без тебя...». Как будто предчувствовала, что они его больше никогда не увидят.

Через несколько дней начались первые обстрелы. «...Я сидела во дворе и чистила песком наш старенький примус. Вдруг прямо над моей головой что-то просвистело, а уже через секунду раздался взрыв. От страха не понимая, что делаю, я побежала домой за своими вещами, вместо того, чтобы спрятаться в укрытие.

Теперь обстрелы стали все чаще и чаще. Я никак не могла (да и не хотела) понять, зачем люди убивают друг друга. Зачем хотят отнять наши жизни? Кому станет лучше от того, что не станет меня, моей семьи, моих друзей? Будь проклят этот изверг — фашист!».

Сначала семья хотела ехать в эвакуацию. Мама целую ночь стояла за билетами в Липецкую область, где жили родственники. К утру пришла и говорит: «Нет, мы никуда не поедem. Вдруг папа вернется, а нас никого нет». Но в Гатчине стало опасно, и тогда они пошли пешком в Ленинград, где, к счастью, их приютили знакомые — выделили комнату в своей квартире № 13 в доме № 23 на ул. Войтика (сейчас Витебская улица). В этом доме семья бабушки жила до переезда в Гатчину, но в другой квартире № 7.

Мама устроилась работать в ателье, где раньше работал папа. Она шила одежду для солдат. Вечером приносила работу домой. Дети помогали ей пришивать пуговицы и думали: «Может, именно эту куртку будет носить папа». Поэтому в каждую пуговичку они вкладывали всю свою любовь и надежду.

10 сентября 1941 года была замечательная погода, светило солнышко. Накануне была сильнейшая бомбежка. Женя с сестрой вылезли на крышу. И увидели, как горят Бадаевские склады. Тогда еще они не осознавали, насколько для города опасна эта потеря. Вскоре они это почувствовали — в городе исчезло

продовольствие. В ноябре начался настоящий голод.

Зима выдалась очень холодной. «...Я никак не могу согреться. Дома — мороз и лед. Я, Катя и мама спим втроем на одной кровати, не раздеваясь — так теплее. Печки-буржуйки у нас нет, жжем все, что горит в плите. Так и обогреваемся. Холод и голод... Голод и холод... Но мы никогда не позволяем себе унывать. Мама даже запрещает нам плакать. Она всегда говорит, что слезами горю не поможешь, что нужно быть сильными и поддерживать друг друга...».

Брат Володя работал на заводе им. Марти. На войну его не взяли, как он ни просил — не было 18 лет. Он очень часто не приходил домой ночевать, на заводе ел и спал — там теплее и не надо тратить силы на дорогу. И вдруг — пропал без вести. Так они остались втроем.

Водопровод не работал, и заботой сестер было обеспечивать семью водой. Недалеко от площади Репина во льду пробил себе дорогу ручеек. Они ходили туда за водой. Одна ложилась на живот и ковшиком зачерпывала воду, другая выливала воду в ведро. Затем с полным ведром на санках, они отправлялись домой. Две улицы и два двора. Часто по дороге ведро падало и приходилось возвращаться и снова набирать воду. Это было тяжело, но даже интересно. Ведь девочки понимали, какое важное дело им доверили — без воды не проживешь.

Обстрелы и бомбовые удары стали почти ежедневной действительностью. «...Во время бомбежек, когда я была одна дома, я убегала к Сережке на первый этаж, и мы боялись вместе. С Сережей Антониковым, который был на год младше меня, мы дружили. Часто играли под столом в куклы, как подруги. Вместе сидеть и дрожать от страха на низенькой скамеечке за дровяной плитой было не так страшно...». Мама поменяла свой выходной костюм на два килограмма картофеля. Сначала они съели картошку, потом ели очистки — из них мама умудрялась делать лепешки. Еще у них был целый мешок сухариков, которые мама берегла для детей. Эти сухари стали спасением. «...Я держу в руке этот сморщенный кусочек хлеба, хлеба, настоящего хлеба, а не того, что мы получаем по карточкам. На каждого выдают по 125 грамм хлеба. Тяжелого, липкого. Этот кусочек мы крошим в баночку, заливаем кипятком и пьем, снова заливаем кипятком и пьем...». Мама, при-

дя вечером домой, делила на две части свой кусочек хлеба и отдавала дочкам: «Я поела на работе. Ничего, ешьте...».

Если бы они знали, как закончится эта мамина доброта. «...Однажды утром в марте мы с Катей проснулись и заметили, что мама очень холодная и не просыпается, мы подумали, что она замерзла, накрыли ее одеялом и стали ждать. Но она все не согревалась и не просыпалась. И тогда Катя сказала мне: «Женя, мама умерла». Это случилось 11 марта 1942 года. Маме было 39 лет».

После смерти мамы Женю направили в детский дом. Очень страшно было расставаться с Катей, ее определили в училище — в детский дом она не годилась по возрасту. Вскоре детский дом эвакуировали в Горьковскую область. Три года, с июня 1942 по май 1945 года, Женя провела в селе Поповка Горьковской области. «...Жили в старом заброшенном монастыре, сквозь штукатурку просвечивали лики святых. Там было хорошо. Это самое светлое время, не считая «до войны», в моей жизни. Мы постоянно чувствовали заботу и внимание своих воспитателей. С удовольствием учились в школе. Работали в поле — убирали лен. Потом колхоз выделял нам льняного масла и ткань. Ставили спектакли...». Бабушка вспоминала постановку «Недоросль», где она играла главную роль, будни и праздники, свое взросление. «...Одемы мы в простенькие невзрачные платица. Но нам хотелось чувствовать себя настоящими красавицами. Наша главная выдумщица Рита Ляхова вспомнила, что можно завивать волосы на бигуди. Тем же вечером мы накрутили прядки на бумажки, а проснувшись, не узнали себя. Все по очереди подбежали к зеркалу и любовались своими кудряшками...». Правда, счастье девочек длилось недолго. При входе в столовую их всегда встречал директор детского дома Петр Константинович Рыболовов. Он был очень строгий, но справедливый. Тогда он не стал ругаться — наверное, понял, что они не хотели нарушать правила. Просто наклонился к Жене и тихонько сказал, чтобы они привели себя в порядок, а потом уже приходили на завтрак.

Зимой 1945 года произошел такой случай. «...На улице зима, снег. Сидим на уроке, видим в окно — в поле садится самолет. Кончилось горючее. Мы высыпали на улицу и помогли толкать самолет в укрытие. Трое летчиков остались у нас до вечера. Мы им показали концерт и пригласили на ужин. А после Мара, наша

пионервожатая, пошла гулять с одним летчиком, а мы давай подглядывать за ними!»

В детском доме Женя узнала, что погиб папа. Ему, как и маме, было 39 лет. У Жени осталась одна Катя...

А потом наступил День Победы! Победила вся наша большая страна: и солдаты на фронте, и женщины, и дети-подростки, работавшие, как Катя, бабушкина сестра, и ленинградцы, которые не сдались врагу.

«9 мая 1945 года собирались в город Горький в театр. Поезд был очень рано, а до станции идти пять километров. Привели себя в порядок, позавтракали, и вдруг вбегает Наталья Ивановна Малинина, воспитательница, и говорит, что война закончилась, что мы победили.

Что тут началось! Все смеются, плачут, обнимаются». Женя сразу вспомнила маму и папу, и ей очень захотелось, чтобы они сейчас стояли и радовались вместе с ней. «Я увижу Катю, — подумала Женя, — найдем Володю и будем жить, как раньше! Нет!.. Не так, как раньше... Без мамы и папы...». Конечно, в театр они не поехали, а стали готовить праздничный вечер с песнями, плясками и вкусным ужином.

После окончания войны, Женя еще некоторое время была в детском доме, а 18 июня их увезли в Ленинград. Там она встретила сестрой. Жила в общежитии на проспекте Стачек. Ее определили в ремесленное училище № 2 при Кировском заводе, которое она успешно окончила в 1947 году. Брата Володю сестры так и не нашли. Он числится «пропавшим без вести».

Всю жизнь, целых 38 лет, бабушка проработала на Кировском заводе. Ее судьба сложилась хорошо. Сейчас Евгении Васильевне 81 год, она живет на ул. Стойкости, мы часто ее навещаем. Она очень многогранный и эрудированный человек, знает и любит классическую музыку, не пропускает ни одного матча наших футболистов, особенно «болеет» за «Зенит». Знает почти всех известных российских спортсменов, переживает за наших биатлонистов, хоккеистов, фигуристов. Интересуется историей, очень любит животных...

Бабушка постоянно вспоминает дни войны, ребят, живших вместе с ней в детском доме: Васю Бетаки, Иру Бусарову, Люсю Мартынову, Нину Брилевич, Тамару Тараканову, Риту Ляхову,

Валю Яблонскую, Витю Политыкина... На всю жизнь они сохранили дружбу и уважение друг к другу. Василий Бетаки стал известным поэтом-переводчиком. Сейчас живет во Франции. Бабушка хранит вырезки из газет со статьями о В. Бетаки, его стихами. Жалее, что в детском доме частенько дразнила Васю за его неуклюжесть.

Мы можем плакать и соболезновать всем, потерявшим родных и близких, сочувствовать перенесшим блокаду. Но, по моему, надо гордиться мужеством людей, сумевших выжить в этом ужасе, ведь каждая улыбка, каждый жест поддержки помогали бороться и приближали нашу Победу.

Блокадное детство моей бабушки Павловой Екатерины Григорьевны

Кривицкий Георгий,
10 класс ГОУ № 129

Руководитель: В. В. Александрова

Моей бабушке было 11 лет, когда началась Великая Отечественная война. Вместе со своей мамой и другими родственниками, оставаясь в окруженном фашистами Ленинграде, она пережила все невзгоды и лишения блокадного времени.

Павлова Екатерина Григорьевна, родилась 10 ноября 1930 года. Мать ее Лариса Сергеевна Павлова, работала на Ижорском заводе секретарем начальника отдела тяжелой промышленности. Именно на этом заводе в 1931 году был создан первый отечественный алюминг.

Несмотря на занятость, прабабушка много внимания уделяла своей дочке. Она покупала бабушке разные сладости и вкусности, водила на выставки советских художников, в цирк, театр, кино, парк культуры. При всем этом она старалась не баловать ее, а воспитывать в духе коммунизма. Они жили вдвоем, так как отец бабушки умер до ее рождения от разрыва сердца.

22 июня 1941 года бабушка со своей мамой гуляла в парке культуры и именно там услышала по радио сообщение Молотова о начале войны. Все были потрясены этой новостью и вначале думали, что это очередная провокация со стороны Германии, но через несколько дней стало ясно, что это не так.

Поздней осенью 1941 года моя бабушка со своей мамой ходила на территорию уже сгоревших Бадаевских складов. Они собирали там землю, смешанную с горелым сахаром, приносили домой, клали черные куски в кастрюлю с водой, разваривали, песок оседал на дно, а жидкие остатки они процеживали и пили. Из «дачных» запасов они заваривали очень слабый кофе и пекли лепешки из обдирной муки. Пили противогинготный отвар из еловых иголок.

До войны моя бабушка была очень капризная и не любила кушать. Она потихоньку прятала недоеденные бутерброды в столешницу, скрытую внизу большого раздвижного стола, и как-то во время блокады они случайно нашли этот «клад». Это был неожиданный пир для всей семьи!

Семья жила в районе Обводного канала, точного адреса бабушка не помнит. Когда начались обстрелы Ленинграда, они всей семьей (семь человек вместе с приехавшими из Малой Вишеры родственниками), перебрались в две маленькие комнаты, около кухни, окна которых выходили во внутренний двор-колодец. В этих комнатах стояла стационарная печь, а на кухне была дровяная плита.

Из старого шерстяного одеяла бабушке сшили накидку. Эта накидка надевалась сверху зимнего пальто, а на голову, поверх шапки, повязывали теплый платок. Шапка была в виде капора, она закрывала уши и подбородок. На ноги ей надевали теплые сапожки-бурочки.

В городе, на улицах, стояли надолбы, и были построены из бревен, досок и земли баррикады. Баррикады были выше человеческого роста, в них были сделаны бойницы и оставлены проходы для пешеходов. Дворники перебрасывали снег через баррикады, а дети на фанерных листах с веревками таскали снег и сбрасывали его в Обводный канал.

Бабушка помнит, что она ходила по руинам зданий в поисках чего-нибудь деревянного. Она находила куски паркета, небольшие куски мебели, все это затем шло в печку. Сожгли книги из домашней библиотеки, из них вырывали страницы и сворачивали их в плотные жгуты. Там было много старинных, интересных книг. Бабушка помнит, что в блокаду читала рассказы Мопассана и рассматривала много книг по искусству. Листала она и энциклопедию

Брокгауза и Ефрона. Все сожгли... Сожгли много нот, дома стояло пианино, на нем до войны музицировали. Сгорела в печке и бабушкина любимая большая кукла, сделанная из папье-маше. Бабушка вспоминает, что вокруг печки была натянута веревка, на нее вешали старое пальто, а когда ее укладывали спать, то сперва грели постель этим пальто. Для освещения помещений использовали керосиновые коптилки, они были сделаны из гильз с фитилем. Запас керосина был довольно большим, около тридцати литров.

Воду брали на Московском проспекте (тогда он был Международным проспектом) напротив сада Олимпия, где был открытый люк, в котором, даже зимой, была вода. Зимой 1941—1942 года моя бабушка вместе со своим двоюродным братом Юрой ходила туда за водой. Над люком была ледяная горка. Юра с помощью топорика забирался на эту горку и доставал воду ковшиком, приделанным к палке от швабры. Бабушка стояла внизу, они наполняли водой пятилитровый бидон и большой чайник. Потом они вместе везли эту воду на санках домой. У дома 37 на Малодетское-сельском проспекте был выведен кран с водой, но он работал только в теплое время, там обычно стирали белье.

Когда не было сил идти за водой на улицу, ходили на крышу дома — собирали снег. Дома его клали в большой овальный таз, снег таял, но эту воду использовали, в основном, для умывания. На улице Вереysкой, дом 40, в дворницкой, стоял огромный титан с кипятком, там можно было получить горячую воду, только для этого надо было отстоять в очереди.

Водопровод и канализация в домах не работали. Все отходы жизнедеятельности люди сваливали во дворы, а если не было сил, то прямо на лестницу, поэтому запах в подъездах стоял жуткий.

Дворники работали всю блокаду, они ходили по квартирам — искали мертвых. Складывали «бесхозные» трупы прямо в парадных или во дворах, потом приезжали грузовые машины и забирали тела. Оставшиеся в живых родственники обычно сами отвозили «своих» покойников на приемные пункты. По улицам постоянно возили на санках тела, завернутые в простыни или в одеяла.

Бабушка вспоминала, что за время блокады в их дом попало два снаряда, один разрушил часть квартиры на втором этаже, а второй попал в подвальное помещение. Она очень боялась артоб-

стрелов, вой пролетающих снарядов наводил ужас. Во время бомбежек бабушка не спускалась в бомбоубежище, а сидела в дверном проеме, потому что в доме была очень толстая кирпичная стена. Во время попадания в здание бомбы, обычно, рушились перекрытия и засыпали бомбоубежища обломками.

Перед прорывом блокады в 1944 году был очень сильный артобстрел, немцы непрерывно стреляли вдоль Московского проспекта. Прабабушка Лариса прибежала под этим обстрелом домой с работы, она знала, что дочь сидит дома одна и ей очень страшно. Она не сразу нашла дома Екатерину. Девочка так сильно испугалась, что не сидела между дверьми, как обычно, а от ужаса забралась под кровать, в самое ненадежное при обстреле место.

Весной 1942 года появилась зелень. Летом бабушка с большой, плотной сумкой ходила вдоль Обводного канала, тогда он еще не был одет в гранит, и вдоль железной дороги к парку Воздухоплателей собирала траву — крапиву и лебеду. Крапива была жгучей, и бабушка брала с собой рукавицу. Потом делали и ели из этой травы лепешки.

Зимой 1941—1942 года бабушка не училась. В четвертый класс она не ходила — большинство школ были закрыты. В 1942 году уже работали школы. Катю приняли в пионеры осенью 1942 года, соседка подарила ей настоящий, шелковый пионерский галстук. Седьмое ноября 1942 года запомнился ей, не только приемом в пионеры, но и еще одним событием. Всем детям в бабушкиной школе сказали принести с собой пол-литровую банку, в эти банки разлили персиковый компот и дали по одному консервированному персику. Она ходила в школу на Бронницкой улице. В 1943 году школы разделили, на мужские и женские. Бабушку перевели в школу на улице Подольской, дом 4.

В 1943 году Екатерину перевели в женскую школу в Новодевичьем монастыре, которая размещалась в трехэтажном здании рядом с храмом Казанской иконы Божией Матери. В подвале школы была столовая. Дети на переменах гуляли по Новодевичьему кладбищу. Девочки заглядывали в склепы, во многих из них были сломаны двери. Было жутко и интересно. Внутри храма в то время была лесопилка, оттуда дети получали опилки и кору, которыми отапливали школу. В классе было человек 10—15 детей. Школа была семилетняя, после окончания шли учиться в

чит почетно. Вся страна с тревогой и любовью прислушивается к биению пульса любимого города. Вся страна знает, что в этом городе на каждом шагу дыхание фронта, что в этом городе на каждом шагу дыхание мужества, доблести и трудовой отваги. Вся страна говорит Ленинграду: «Держись до победы!». В этих словах чувствуется и трепет, и сила духа, и непоколебимая вера в победу.

Вряд ли вы найдете в Петербурге семью, старшее поколение которой не было затронуто войной. И наш долг — сохранить память о людях, которые позволили нам родиться свободными, заботиться о тех, кто еще с нами. Говоря о жизни блокадников, мне хотелось бы рассказать о своей семье. Ведь никто не может знать о войне больше, чем ее участники...

При создании работы были использованы: альбомы автографов (I и II часть) Калинина Аркадия Николаевича, воспоминания о войне Калининой Марии Сергеевны, воспоминания о войне Калинина Авенира Аркадьевича, публикации в газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Вести» и «Академический вестник», а также публикации в газетах акционерного общества «Светлана».

Мой прадедушка, Аркадий Николаевич Калинин, родился 20 марта 1898 года в деревне Марково Вологодской области. Учился в учительской семинарии в Петрозаводске, а затем переехал в Ленинград и успешно окончил Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена (сейчас — Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена). До и после войны он работал учителем географии и директором школ Выборгского района. Сегодня это школы № 118, 117 и 123. Больше всего на свете он любил свой предмет географию и на ходу изобретал наглядные пособия для школьников.

Война застала его в возрасте 43 лет. Аркадий Николаевич страдал сильной близорукостью и болезнью сердца, но все же пошел в военкомат. Было принято решение отправить его на службу в госпиталь в качестве политического руководителя. В госпитале он стал инициатором открытия журнала «Кузница здоровья» и являлся его единственным редактором. Тут же появились две тоненькие тетрадки — альбомы автографов. Записи начинаются с 7 января 1942 года.

Эти записи — обращения к «товарищам школьникам», послания молодому поколению. «Я учитель. После Победы вернусь в школу. Буду рассказывать ребятам о войне. Помогите мне объяснить им все, что мы пережили... Напишите в этот альбом...», — просил пациентов госпиталя Аркадий Николаевич. И они писали... Лейтенанты, майоры и даже генералы оставляли свои записи для будущих школьников. «Пройдут года. Вы снова вернетесь к мирной жизни и учебе. И не раз будете в порядке экскурсий и военных походов идти по следам войны. Еще и еще раз с ненавистью вспоминать о злодеяниях фашистских мерзавцев и доброй памятью почтите тех, кто, не щадя жизни, боролся за великий и славный город Ленина», — эта запись от 3 марта 1942 года оставлена генерал-майором Цветковым. Одно из посланий написано 10 июня 1942 года рукой Виссариона Михайловича Саянова, известного советского писателя, лауреата Сталинской премии третьей степени специально для альбома:

*Здесь, в госпитале, в тесном круге
Друзей, походов и боев,
Мы вспоминаем ночи в Луге,
Бои за Новгород и Псков.
Сейчас еще борьба в разгаре,
Гремят раскаты канонад.
Обрубит когти хищной твари
Любимец славы — Ленинград.
Сыны народа-исполина,
В порыве грозном, боевом
В предместьях дальние Берлина
Как победители войдем!*

Писали о военном времени, о жизни, о Родине, о долге и о любимом вожде. Понимая всю ответственность задачи, слова подбирали высокопарные, пафосные, как в школах учили... Но все же вчитываясь в эти строки, понимаешь, что эти слова были искренними, шли от сердца, выражали чувства. Особенно трогательны слова благодарности, оставленные командиром N-ской части М. Никитиным: «Трудно найти слова, чтобы оценить беспримерный подвиг трудящихся города Ленина, в том числе и вас, медицинских работников. В дни тревог, в дни смертельных опас-

ностей, в самые трудные дни вы молча переносили все тяготы, все трудности. Все ваши мысли, чувства и дела подчинены одной общей задаче — борьбе с подлыми захватчиками, вторгшимися на нашу землю. Во всей вашей работе чувствовалась ваша забота о защитниках города Ленинграда. Спасибо вам за вашу заботу и внимание. Ваша работа нужна фронту. Трудиться во имя Родины, работать не покладая рук для победы — в этом и только в этом смысл жизни советского человека. Родина дала нам все и хочется жить и бороться так, чтобы все до последнего вздоха отдавать Отчизне. Еще раз спасибо за чуткое и внимательное отношение к нам, раненым участникам Отечественной войны, со стороны политрука госпиталя тов. Калинина и доктора Д.И. Фейертаг».

Не забывали во время войны и чувства семейные, любовь. В нашей семье хранятся открытки, которые Аркадий Калинин писал для своего маленького сына Вени, моего дедушки.

Аркадий Николаевич с эвакогоспиталем № 54 дошел до самого Берлина, откуда даже привез трофейные сувениры — карточки и цветные журналы для уроков географии и обломки хрустальной подвески от люстры из Имперской канцелярии.

Вернулся Аркадий Калинин с войны инвалидом. Сердце совсем сдало, ходил с палочкой, но продолжал работать в школе. Вначале был директором в школах Петроградского и Выборгского районов, а с 1950 года (после инфаркта) преподавал географию в школе № 123. Получил несколько государственных наград СССР. Прожил недолго — умер 11 декабря 1956 года в возрасте 58 лет. Похоронен на Богословском кладбище.

«О детях блокадного города» — именно так названы воспоминания Марии Сергеевны Калининой, моей прабабушки, в которых она рассказала о своей военной судьбе воспитателя детского дома.

Мария Сергеевна родилась 19 апреля 1901 года в деревне Пески Архангельской области. Окончила гимназию в Архангельске, но высшего образования так и не получила. В 1919 году вышла замуж за Аркадия Николаевича Калинина, а в 1920 году у них родился первый сын — Владимир. 12 лет спустя, 1 мая 1932 года, родилась дочь — Майя. А еще через 6 лет — 9 февраля 1938 года родился второй мальчик — Авенир, мой дедушка.

Муж Марии Сергеевны в это время был директором школы № 118 Выборгского района Ленинграда и, как тогда было принято, семья жила в квартире при этой школе по адресу проспект Энгельса, дом 71. Перед самой войной Аркадий Калинин был назначен заведующим РОНО Выборгского района и им выделили шикарную служебную квартиру в доме на Бабурином переулке (сейчас это улица Смолячкова), где они прожили первые месяцы блокады. Мария Сергеевна впервые вошла в школу в качестве педагога в 1918 году. В 1936 она уже стала районным методистом Выборгского района.

В первый же день войны она проводила на фронт старшего сына. Затем на фронт ушел муж. Она осталась одна с двумя детьми — 9-ти и 3-х лет. Всего несколько месяцев спустя пришла похоронка: «Ваш сын погиб смертью храбрых в боях с врагом 29 ноября 1941 года». А через пару дней по почте дошло и последнее письмо сына — несоответствующее времени, веселое и жизнерадостное. «Живу я замечательно, — писал старший лейтенант пехоты Владимир Калинин. — Читаю Ильфа и Петрова, хохочу, как в детстве». Мама и бабушка плакали, и только маленький Веня не мог пока осознать, что же происходило вокруг. Но избирательная память все-таки сохранила этот ранящий душу эпизод.

Во время войны Мария Калинина работала учителем школы № 20 (сейчас это школа № 100), затем была направлена воспитателем и учителем в детский дом № 9. Там детей готовили к эвакуации, но выехать они так и не успели, остались в блокадном городе. Детский дом все пополнялся. Вскоре их перевели в дом № 3 по улице Лафонской около Смольного собора. В подвальном помещении этого дома находилась мастерская по изготовлению снарядов, а детский дом служил маскировкой от шпионов и диверсантов, находясь на верхних этажах. Под видом доставки продуктов для детей и другого снабжения доставлялись материалы для мастерской, а в «пустых» ящиках увозили снаряды.

Осенью начали учиться. Прабабушка была на казарменном положении, без права выхода домой, потому день и ночь заменяла мать осиротевшим детям и тем, чьи родители уходили на фронт. «Мой сын Владимир, узнав, что я не бываю дома, приехал с фронта и привез ко мне двух моих детей с распоряжением, раз-

решающим жить им в детском доме, как детям фронтовиков», — писала в своих воспоминаниях моя прабабушка. Таким образом Майя и Веня снова оказались вместе с матерью.

Зимой обучение пришлось прекратить. После наступления холодов продолжать занятия стало невозможно. Замерзли чернила, да и сидеть за партой в пальто было неудобно. Со временем становилось все труднее. Люди гибли от обстрелов, бомбежки, голода, холода. Водопровод не работал. Воду старшие дети и воспитатели возили с Невы. Электричества не было. *«И все-таки сколько детей мы спасли от неминуемой гибели в ту страшную блокадную зиму!»*, — с гордостью вспоминала моя прабабушка.

В детский дом звонили из милиции или домохозяйства, сообщая адреса квартир, где живыми оставались только дети. Таких ребят забирали в детский дом. Устроили стационар для совершенно ослабевших работников и детей.

Детям выделялось все возможное, и смертности почти не было. Но дров от разбираемых деревянных построек хватало только на приготовление пищи, а здание промерзло от сильных морозов. Днем дети, молча, сидели на корточках на полу у стен, чтобы не упасть от изнеможения. Детей было много, но стояла пугающая тишина.

И даже в эти самые тяжелые дни руководство города помнило о детях — в ту суровую блокадную зиму для ребят была устроена новогодняя елка. Городской комиссии по организации праздников наиболее сложным оказалось обеспечение детей подарками. Какое это было событие для голодающего города! Празднование осталось одним из самых ярких воспоминаний моей прабабушки: *«В ту суровую зиму (1941—1942 гг.) для ребят была устроена новогодняя елка. Дети при наглухо зашторенных окнах с удивлением смотрели на яркие огоньки елки. После праздника были подарки: по одной конфетке, по штучке печенья и по сухарю»*. С 1943 года праздники для детдомовцев становятся регулярными.

Но будни Марии Сергеевны были наполнены волнениями и переживаниями: *«Воздушные тревоги проходили чаще ночью. Но в любое время суток мы, воспитатели, обязаны были отводить детей в подвал для безопасности. Ребята были среди рабочих мастерской, которые их очень полюбили. Легче было делать это днем, а вот ночью, когда дети уснут, весьма трудно. Дети плачут,*

идти не хотят, прячутся под кровати... Но все же мы их уводили в подвал. Иногда воздушные налеты проходили несколько раз за ночь».

Как вспоминала прабабушка, весной, в конце марта, снова начался вывоз детей по замерзшей Ладоге. Из их детского дома планировали вывезти 200 человек. *«...После приказа вывезти ребят нам подали автобусы. Сидений в них не было. На пол расстелили матрацы и на них посадили детей. Они были настолько измучены, что едва брели...»*.

А Ладогу бомбили. Лед на ней во многих местах был пробит, машины проваливались. *«Шоферы работали героически! — вспоминала Мария Калинина, — Везли нас на автобусах до Кобоны, куда приходили поезда с «большой земли», а обратно в этих автобусах везли продукты для блокадного города»*.

На станции Войбокало комсомольцы внесли в вагоны большие бидоны с супом для детей — это была нежданная радость. Ребята от счастья плакали.

Везли детей в Ярославскую область, где их встретили и оказали помощь. В поселке Серёда выделили два деревянных дома, и через неделю ребята были на месте и отходили от пережитого в блокадном Ленинграде. *«Такова наша замечательная Родина, такие в ней люди и так велика забота о детях»*, — писала Мария Калинина.

В 1944 году она вернулась в Ленинград. После возвращения на эвакуации семье дали 2 комнаты в коммунальной квартире в том же Бабурином переулке, где они жили до войны, но на другой стороне улицы. А их бывшую квартиру и пару соседних превратили в детский сад, в который пошел маленький Веня Калинин, мой дедушка.

Мария Сергеевна еще 23 года (с 1944 до 1967 года) работала учительницей 105 средней школы Выборгского района и заведовала районным методическим кабинетом. Несмотря на отсутствие педагогического образования, она считалась одним из лучших методистов города и ее пригласили преподавать методику в Институте усовершенствования учителей. В 1952 году ей было присвоено звание Заслуженного учителя РСФСР.

Умерла М. С. Калинина 4 июля 1991 года в возрасте 90 лет. Похоронена на Богословском кладбище.

Еще одна блокадная судьба — судьба моего дедушки Авенира Аркадьевича Калинина. Он родился 9 февраля 1938 года и к началу войны ему было всего три года.

В марте 1942 года проходила эвакуация детей из детского дома и среди них был пятилетний Веня Калинин. *«Об эвакуации по Дороге жизни остались весьма обрывочные воспоминания. Помню зал ожидания на Финляндском вокзале. У всех ребят и у меня тоже, как солдатская скатка, одето через плечо свернутое в рулон одеяло. Помню большой носатый автобус, в котором были сняты сиденья, и салон представлял большую чистую площадку, чтобы вошло больше людей и ничто не мешало эвакуации из автобуса в случае необходимости».*

Его вывезли из осажденного Ленинграда в поселок на юго-восточном берегу Ладожского озера под названием Кобона. Позднее он написал стихотворение об этом историческом месте.

Дорога к храму

Стоит у Ладоги Кобона,
В каналах темная вода
Уснула будто навсегда
Под низким берегом зеленым.

Мостки спускаются к воде,
По берегам дома и дачи...
Все вроде так же, как везде,
А как-то все-таки иначе.

Здесь купол неба голубой
И облака мазками мела,
А в отдаленье шумом белым
Рокочет ладожский прибой.

И сразу как-то забываешь
Про городскую суету.
А если ты приехал в мае,
В садах черемуха в цвету.

Не молкнет соловьиный свист,
А над домами, над мостами
Храм с золочеными крестами
Вознесся светел, бел и чист.

И вдруг я понял, что тогда,
В час роковой военной драмы,
Дорога жизни нас вела
Сюда — к сияющему храму.

Голодных, слабых, изможденных,
С провалом черным вместо глаз
Встречала тихая Кобона
И к жизни возвращала нас.

И я хочу от поколения
Спасенных страшною зимой
Сегодня преклонить колени
Пред этою святой землей.

Здесь тем, кто не дождался с нами
Победной, радостной весны,
Простой и строгий крест поставлен
Над гребнем ладожской волны.

«На Большой земле в Кобоне первым делом нас накормили. И тут произошел трагический эпизод — один из ребят по фамилии Махалкин с жадностью сунул в рот целое яйцо, задохнулся и умер. Лучше помню возвращение в Ленинград в 1944 году уже повзрослевшим опять же на Финляндский вокзал», — вот и все детские воспоминания моего дедушки. Год спустя, в победном 1945-ом, Авенир Калинин пошел учиться в мужскую среднюю школу № 107, находящуюся за два квартала от дома. «Школа была переполнена и мы учились в две смены по очереди с другим классом — месяц мы в первую смену, а они во вторую, и наоборот. Тетради, учебники, чернила и ручки у нас были. Но и тогда в Ленинграде критически не хватало электроэнергии, и районы поочередно отключались от электропитания, включая уличное освещение, заводы и учреждения, в том числе и школы. И вот, занимаясь во вторую смену, в темноте, когда лишь у учительницы на столе стояла свечка, мы учились писать», — рассказывает мне дедушка о своей первой школе. В 1949 году семья переехала на проспект Энгельса, и Авенир перешел в школу № 117, которую закончил в 1955 году с серебряной медалью, а затем поступил в Ленинградский Военно-механический институт на конструкторский факультет (сейчас — факультет ракетостроения). После окончания института

в 1961 году три года работал по специальности в НИИ на Урале в Перми. С 1964 по 1975 годы, вернувшись в Ленинград, работал ведущим инженером в конструкторском бюро «Арсенал» им. М. В. Фрунзе, а с 1975 года до выхода на пенсию в 2005 году работал в объединении «Светлана» заместителем начальника научно-технического отдела.

Его старшая сестра Майя Аркадьевна окончила в 1950 году 105 женскую школу, поступила в Ленинградский электротехнический институт им. Ульянова (Ленина) — «ЛЭТИ» и закончила его в 1955 году. Работала инженером в Научно-исследовательском институте электрофизической аппаратуры (НИИЭФА), затем в Конструкторском бюро средств механизации. Последние годы до выхода на пенсию преподавала электротехнику в Ленинградском радиоаппаратостроительном техникуме.

«Пройдут века, но дело, которое сделали ленинградцы — мужчины и женщины, старики и дети — никогда не изгладится в памяти отдаленных поколений», — эти слова Марии Сергеевны Калининой дают надежду на то, что память людей навсегда сохранит немеркнущий подвиг и веру людей в победу. Уже десятилетия отделяют нас от суровых дней войны. Уходит поколение, вынесшее этот тяжкий груз. А всем, что мы имеем сегодня, мы обязаны именно им!

«Мы все и всех отдали для победы, — писал Л. Карасев моему прадедушке Аркадию Николаевичу 14 апреля 1943 года. — Я отдал брата, любимого брата Анатолия. Вы, товарищ Калинин, отдали для Родины своего сына. И когда наступят мирные дни расскажите нашим детям, вашим ученикам, как ваш сын в лучшие годы своей зарождающейся жизни отдал Родине зарю своей жизни без колебаний». Как бы мы сейчас не старались, мы все равно никогда не сможем в полной мере прочувствовать боль этих людей и отблагодарить их за все, что они сделали ради нашего светлого будущего. Но мы обязаны заботиться о ветеранах Великой Отечественной войны и хранить память об их подвигах.

Я писала свою работу, преследуя личные цели: особый интерес для меня представляли данные о моей родословной и сохранение памяти о событиях военного времени. Тогда я и подумать не могла, что история четы Калининных — учителей, переживших войну, — может привлечь чье-то внимание. Однако вскоре

моей работой заинтересовалась Ольга Юрьевна Лукьянова, учитель 534 школы.

Ольга Юрьевна собирала материалы по детскому дому № 9, работала в архивах. Она прислала мне новые данные о детдоме и детях, которые провели годы блокады в стенах этого здания. Ниже приводятся сведения о детском доме, основанные на архивном материале.

Детский дом № 9 находился на пересечении Ланского шоссе и пр. Энгельса (бывшая дача Ланских) по адресу проспект Энгельса, дом 4. На Лафонской улице, о чем пишет М. С. Калинина, он, очевидно, был непродолжительное время в связи с переполненностью. Дом на Энгельса в то время был желтого, а позже розового цвета, общей площадью 617 квадратных метра. Окружал его замечательный сад с прудом и тенистыми дорожками, площадью 22500 квадратных метра. Вся территория окаймлялась металлической оградой.

Работал детский дом всю блокаду. Он был рассчитан на 100 мест, а штат сотрудников составлял 26 человек.

В детдоме была библиотека. На 1 января 1943 года в библиотеке было 1500 томов. В 1943 году были выделены деньги на приобретение еще 500 томов (по 5 рублей на книгу).

В первую блокадную зиму дети не учились. Об этом упоминала и моя бабушка. *«Учились мы до наступления холодов, а дальше чернила замерзали, да и сидеть за партой в пальто очень трудно. Занятия пришлось прекратить».* Из архивных материалов, полученных от Ольги Юрьевны, я узнала, что с 1942 года дети стали учиться в ближайших школах: сначала в школе № 116 на Сердобольской улице, а позднее началось раздельное обучение: девочки стали учиться в школе № 112 на Большой Объездной улице, мальчики — в школе № 117 на 2-м Муринском проспекте.

В детском доме детей обучали разному мастерству. Традиционно девочек обучали шитью, вышивке, вязанию, а мальчики занимались в механической и сапожной мастерских. Но механическая мастерская с началом войны была закрыта (не было материала, электричества), и осталось только сапожное дело. Необходимость в починке обуви воспитанников была острая, но рабочих мест было немного — помещение очень маленькое. К тому же не хватало иголок. Придумали следующее: обувную

дратву прикрепляли к свиной щетинке, дырки проделывали шилом и продернутую нитку завязывали узлом. Со временем договорились с начальством Хлебозавода № 7, и мальчики стали работать в мастерских хлебозавода под руководством заводских мастеров.

В 1943 году расширилась деятельность швейной мастерской. Инструктора звали Елена Владимировна. Она учила девочек шить, начиная с простых вещей: наволочек, танцевальных тапочек для детей младшей группы на Новый год. Майорова вспоминала: «Мне очень в жизни пригодилось это умение. Работая в детских учреждениях, шила белые тапочки на целые группы. Потом мы шили себе сарафаны и юбки в складку. А после войны меня отправили в швейное училище».

Мастерская удовлетворяла не только потребности по шитью белья детского дома, но и принимала заказы от населения. Из отчетов видно, как широк был ассортимент швейных изделий: костюмы, халаты, платья, панталоны и даже пальто. Прибыль, хоть и небольшая, но все же была.

В зиму 1943 года надо было согревать детей. Удалось шить пальто из синей фланели на вате. Все то небольшое, что могли получить по разнарядкам, необходимо было и довести, часто на себе, на санках, и сберечь, и экономно использовать.

Сложно было даже вымыть детей. «Воду старшие дети и мы, воспитатели, возили на санках с Невы», — писала моя прабабушка Мария Калинина. Иногда, когда можно было нагреть воду, помывку устраивали в прачечной. Старшие мыли младших. Со временем стали водить в баню. Летом было проще, ведь на территории было два пруда, и на берегу стояла душевая из 2-х кабинок. В жаркое время ходили купаться в Озерки.

Из сведений, которые я получила от Ольги Юрьевны Лукьяновой, я узнала много интересных фактов и подробностей жизни в годы войны детского дома № 9. Эти факты помогли мне увидеть более полную картину действительности, окружавшей мою прабабушку в годы войны.

Завершить свой рассказ о днях блокады Ленинграда я хочу словами летчика-истребителя, младшего лейтенанта Героя Советского Союза Харитонова, оставленными им в альбоме автографов моего прадеда: «Товарищ Калинин, когда вы снова

встретитесь со своими учениками, расскажите им, как мы били фашистов, не жалея своей жизни».

Люди, не пожалевшие в годы войны своей жизни ради общей великой цели, являются примером мужества и стойкости для нашего поколения. Я горжусь тем, что среди них есть члены моей семьи.

Юнга Балтики

Аслямова Ирина,
8 класс ГОУ № 164

Руководитель: О. Г. Пильцер

Свою работу я посвятила юнгам Балтики, одним из которых был Десятков Георгий Андреевич — отец моей школьной учительницы по истории и культуре Санкт-Петербурга Ольги Георгиевны Пильцер.

Юнга! Есть что-то волнующее в этом коротком слове. На флотском языке юнгой называется подросток, готовящийся стать матросом. Практически это юный моряк, вместе с опытными товарищами преодолевающий все тяготы походной жизни, готовый в любой момент ринуться навстречу опасности. И нередко бывает так, что от штатного флотского специалиста он отличается только возрастом. На военном флоте юнги существовали с давних пор. Многие бывалые моряки, видные флотоводцы начинали свой путь с этого скромного звания.

До войны Георгий Десятков учился в роте юнг при Школе боцманов Военно-морского флота, созданной в 1940 году на острове Валаам. Школа боцманов, располагавшаяся на острове Валаам в Ладожском озере, с началом войны оказалась на ее переднем рубеже. Когда развернулось наступление немецко-фашистских войск на Ленинград, Георгий Десятков участвовал в обороне ладожских островов, в эвакуации окруженных частей Красной Армии, затем в боях 4-й отдельной бригады морской пехоты на знаменитом «Невском пятачке» и в обороне Советского Заполярья.

Знакомясь с фотоматериалами и документами из домашнего архива учителя, я поняла, как тесно связана история нашей страны с судьбами каждой семьи. Прошло много лет, а память о тех героических и трагических днях жива. Кортик, боевые награды,

письма, фотографии, справки из госпиталя — это вещи, которые всегда будут бережно хранить близкие люди, гордясь боевым прошлым своих предков.

Георгий Андреевич Десятов родился в Стрельне в 1922 году. Он был из морской офицерской семьи. Его отец, Андрей Кузьмич Десятов, преподавал в Высшем Военно-морском инженерном училище им. Ф.Э. Дзержинского.

Покидая Ленинград в 1940 году и направляясь на Валаам, он проплывал на пароме поселок Дубровка. Не думал и не гадал тогда ни он, ни его товарищи, что именно здесь через год придется им идти в бой с одного берега Невы на другой, чтобы утвердиться на маленьком участке земли, который войдет в историю под звучным, запоминающимся именем «Невский пятачок».

В канун войны 19-летний Георгий Десятов вместе с другими юнгами изучал тактику сухопутного боя, рыл окопы, учился стрелять. Разумеется, изучали штурманское и парусное дело, ходили в походы по неугомонной Ладоге. Дальнейшие события излагаются по статье «Они любили море» бывшего юнга с острова Валаам В. Кодина, опубликованной в газете «Ленинградская правда» 5 ноября 1971 года.

С началом войны Валаам стал маневренной базой Ладожской военной флотилии. Сюда прибыла 4-я морская бригада под командованием генерал-майора Ненашева. На острова, расположенные близ материка, были высажены десанты морской пехоты, которые приковывали к себе часть войск врага, оказывая этим помощь нашим бойцам на берегах Ладоги.

Курсантам и юнгам Валаамской школы был дан приказ: наряду с обороной острова помочь эвакуировать наши части с побережья на остров Валаам. В короткий срок были приведены в готовность все плавсредства, способные принять бойцов, раненых, оружие, снаряжение. Задача была сложной — в воздухе имел превосходство враг. Кораблей не хватало, и пришлось использовать парусно-моторные учебные суда — шхуны «Учебка» и «Практика». Самолеты врага то и дело носились над тихоходными, слабо-маневренными судами. Израненные экипажи боролись за спасение кораблей, метким огнем разили самолеты. Стойкость, храбрость, умение и мужество победили. Целая дивизия была успешно эвакуирована. Валаам оставался непри-

ступной твердыней. Ни десанту врага, ни его разведке так и не удалось тогда проникнуть на остров.

В сентябре 1941 года успешно и скрытно прошла по приказу командования эвакуация острова. Долгое время враг об этом ничего не знал. С острова Валаам юнги прибыли в бухту Осиновец и на следующий день от станции Мельничный Ручей со всем необходимым боевым снаряжением (пулеметы, автоматы, винтовки, патроны, питание) пешком совершили 50-километровый путь до Невской Дубровки, а ранним утром вместе с бойцами морской пехоты форсировали Неву.

Юнги спустились к небольшой речке Дубровке, взяли на плечи шлюпки донесли их к Неве. До противоположного берега было больше полукилометра. Течение Невы быстрое. Не успели переплыть за середину реки, как ночную тьму прорезала зеленая ракета. Это означало, что противник обнаружил десант. Юнги навалились на весла. Умелый маневр рулевых — и шлюпки уже у вражеского берега. Молодые моряки стремительной лавиной обрушились на врага. Фашисты не ждали такого стремительного броска. Это были отборные подразделения гитлеровских парашютистов, почти все они были награждены «железным крестом» за штурм острова Крит. На юных смельчаков фашисты обрушили шквал огня. Особую опасность представлял вражеский танк. Прикрывшись броней, фашисты вели из танка сильный пулеметный огонь.

Быстро оценив обстановку, комсорг роты Николай Милосердов и юнга Николай Бар, прижимаясь к земле, поползли в сторону танка, и в него полетели связки гранат. Дрогнула земля от взрыва — замолчал подбитый танк. А через минуту вновь открыл огонь, но теперь уже из него стреляли по фашистам юнги.

В разгар боя был смертельно ранен командир роты коммунист Павловский. Юнги поклялись отомстить за него врагу. В бой юнг повели курсанты школы — комсомольцы Алексей Белоголовцев, Дима Коваленко и Николай Ивашкевич.

В гущу противника, в его передовые окопы, первыми ворвались юнги Виктор Шишкин, Георгий Десятов, Иван Парфенов, Леонид Перепич. В сражении на Невском пятачке юнги потеряли много боевых товарищей. Там погибли комсомольцы Борис Воробьев, Миша Борох, Миша Артамонов, Алексей Костыренко и

другие. Юнги никогда не забудут семнадцатилетнюю героиню Невского пятачка Зою Аверину — отважную санитарку морского отряда. Юнги похоронили ее под березой возле берега.

В результате дальнейших боев моряками и воинами Невской оперативной группы на левом берегу Невы был отвоеван плацдарм — небольшой кусочек советской земли: по фронту около трех километров и вглубь метров пятьсот — шестьсот.

Когда отгремели бои, с «пятачка» был взят кубический метр земли, и оказалось, что в нем содержится 98 килограммов металла. Нет в Ленинграде человека, пережившего блокаду, который не слышал бы о Невском пятачке.

О дальнейшей судьбе Г. Десятова свидетельствуют документы, хранящиеся в семье моей учительницы О.Г. Пильцер. Г.А. Десятов рядовым краснофлотцем прошел всю войну, участвовал в обороне Ленинграда, сражался в 4-й отдельной бригаде морской пехоты на Невском пятачке и в Заполярье, выполняя данную когда-то присягу: *«Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик...»* (Из текста Военной присяги Рабоче-Крестьянского Военно-морского флота).

Георгий был неоднократно ранен в боях. Об этом свидетельствует справка из семейного архива: *«С 09.X.1941—30.XI.1941 Г.А. Десятов находился на излечении в ВМЧ №2 по поводу осколочного ранения»*, были и другие ранения.

В августе 1943 года Георгий Десятов был награжден медалью «За оборону Ленинграда». До конца войны служил на крейсере «Мурманск» Северного флота. «Черной смертью» фашисты называли наших моряков в годы войны, так как там, где воевали краснофлотцы, врагам приходилось очень туго. Особенно немцы боялись рукопашного боя: ребят на Северный флот отбирали высоких, крепких, выносливых и отчаянных.

Георгий Десятов принимал участие в параде Победы на Красной площади в Москве в июне 1945 года. Это была огромное счастье и гордость для всех его близких! Надпись на обороте фотографии из семейного альбома гласит: *«В память о Москве в дни парада «Победа». Я с другом Андреем с крейсера «Мурманск» С.Ф. прибыли в Москву на парад «Победа» над Германией — 24.VI.1945 г.»*.

Воспоминания в семье о параде были всегда. Когда по телевизору показывали запись с парада Победы 1945 года, его вдова, Валентина Михайловна всегда плакала. Среди моряков Северного флота победным маршем шел ее муж, Жора — Георгий Андреевич Десятов.

За доблесть и мужество Г. Десятов был награжден медалью Ушакова, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», орденом Красной Звезды.

До 1960 года Георгий Андреевич Десятов преподавал в Выборгской школе юнг в звании капитан-лейтенанта. В семейном альбоме много фотографий этого времени, где он обучает курсантов морскому делу. Волею судеб у Ольги Георгиевны под Выборгом на Сайменском канале находится дача. Она часто проезжает мимо старинного финского здания с двумя большими якорями у главного входа. Там после войны находилась морская школа, где служил ее отец.

В 1953 году Г.А. Десятов был депутатом Выборгского городского Совета депутатов трудящихся Ленинградской области. Сохранился депутатский билет Георгия Андреевича за № 147.

Сохранилось удостоверение о том, что капитан-лейтенант запаса, Георгий Андреевич Десятов, уволен из Вооруженных сил СССР 23.09.1960 года. В августе 1961 года его наградили медалью «За безупречную службу в вооруженных силах СССР».

С 1960 года и до смерти Георгий Андреевич жил в Ленинграде. Работал он на партийной и хозяйственной работе на разных предприятиях города. В 1965 году у него родилась дочь — Ольга Георгиевна.

Он вел переписку и встречался с однополчанами, ездил на встречи в музей на Невском плацдарме, писал воспоминания о юнгах Балтики. О войне с семьей говорил мало, видимо, воспоминания были тяжелые. Сохранилось письмо 1976 года, написанное Леонидом Волынцевым, юнгой школы боцманов ВМФ. Леонид пишет Георгию, что в Ленинграде создана секция юнг Балтики, где готовится к выпуску книга «Юнги Краснознаменной Балтики», что их боевой товарищ, Василий Кодин, собирает материал для сборника. Георгия Андреевича просят поделиться военными и послевоенными воспоминаниями. Вдова Георгия

Андреевича, Валентина Михайловна, рассказывала дочери, что в изданной книге «Юнги Краснознаменной Балтики» (Сборник воспоминаний.— Л.: Лениздат, 1981) есть материал и об ее отце. Книга, к сожалению, после смерти Георгия Андреевича не найдена. Материалы сайта Нахимовского училища дают представление об этом сборнике.

Георгий Андреевич был интересным человеком — играл на рояле, знал арии из оперетт, много читал.

Умер Георгий Андреевич Десятков в 1978 году, когда Ольге Георгиевне было 12 лет. Похоронен вместе со своим отцом на Волковском православном кладбище. Вечная ему память!

Работа выполнена на основании семейного архива О. Г. Пильцер, содержащего документы, письма, воспоминания Г. А. Десяткова, а также статьи «Они любили море» бывшего юнга с острова Валаам В. Кодина в газете «Ленинградская правда» за 5 ноября 1971 года.

II. БЛОКАДНЫЕ СУДЬБЫ

Блокада на страницах воспоминаний Лидии Васильевны Хромовой

Груздева Наталья,
11 класс ГОУ гимназия-интернат № 664.
Руководитель: Н. П. Столбова

Случилось так, что пять лет назад, накануне шестидесятилетней годовщины Дня Победы в мои руки попали воспоминания жительницы блокадного Ленинграда Лидии Васильевны Хромовой. Тогда я была еще мала, поэтому обратилась к ним только сейчас. Воспоминания эти, написанные Лидией Васильевной в сентябре 1942 года в эвакуации в Саратове, вызвали у меня живой интерес. Будучи жительницей Петербурга, я считаю своим долгом рассказать о судьбе этой, безусловно, сильной и храброй женщины, донести ее воспоминания, мысли и чувства до тех, кому интересна тема блокады Ленинграда в целом и судьба ленинградцев в частности.

Лидия Васильевна Хромова была близкой знакомой нашей семьи. Она закончила Ленинградскую консерваторию, работала концертмейстером у ведущих певцов Мариинского (Кировского) театра, в том числе у Галины Ковалевой. Знакомство моей бабушки с автором блокадных воспоминаний состоялось в кругу поклонников певца Н. К. Печковского. Обе они очень любили классическую музыку, и поэтому между ними вскоре возникла крепкая дружба. У Лидии Васильевны не было семьи, и поэтому воспоминания были переданы моей бабушке как наиболее близкому Лидии Васильевне Хромовой человеку.

Так три тетради альбомного формата, сшитые вручную, попали ко мне. Воспоминания пролежали многие десятилетия никем не прочитанными, они публикуются в первый раз. Воспоминания охватывают период с июня 1941 года по апрель 1942 года и повествуют о жизни Лидии Васильевны Хромовой и ее семьи в Ленинграде в этот период. Теперь все мы через много лет вместе с Лидией Васильевной вновь переживем то, что происходило во

время блокады. Отрывки текста воспоминаний выделены в моей работе курсивом.

Любого, читающего эти строки, поразит та будничность, с которой автор воспоминаний повествует о столь страшных событиях. Дело в том, что воспоминания были написаны Лидией Васильевной «по горячим следам», сразу после эвакуации в Саратов в сентябре 1942 года.

Как пишет сама Лидия Васильевна, ей *«самой не вполне ясно, с какой целью начинает она эти «записки». Возможно, что большую роль здесь играет одиночество; часто меня охватывает желание поделиться всем пережитым с близким человеком, рассказать о многом, что навсегда сохранилось в памяти, но здесь нет никого, кто мог бы быть назван мною близким человеком, я осталась одна. Может быть, когда-нибудь я сама прочитаю эти записки с интересом, может быть, они попадут в руки кому-нибудь из родных, оставшихся в живых, во мне еще живет надежда на получение писем с фронта или из Ленинграда от брата или мужа. Возможно, эти записки помогут мне хоть отчасти заглушить постоянно грызущую меня мысль о маме и папе, постоянно живущие во мне воспоминания о всех потерях...»*.

Перелистывая одну пожелтевшую страницу за другой, читая строчки, написанные полувыцветшими чернилами, я погружаюсь в воспоминания человека, пережившего то, что далеко не каждый может вынести.

К началу войны у Л. В. Хромовой была семья: муж Алексей, сын Евгений и свекровь Евдокия Васильевна, все они жили в Ленинграде на улице Турбинной в Кировском районе. Родители автора воспоминаний жили в Старой Руссе. Когда началась война, Лидия Васильевна сразу не осознавала важность этого события: *«В первые моменты мне было просто досадно, что ворвалось «что-то» постороннее в нашу жизнь, что «оно» испортило хорошее, светлое настроение, разрушило планы, лишило покоя...»*. Счастливая жизнь и семейное благополучие мешали воспринять войну всерьез.

Только когда Лидия Васильевна навестила своих родителей в Старой Руссе, она начала понимать, что надвигается что-то страшное и неотвратимое. *«...Весь путь от Старой Руссы — сплошные слезы. На каждой станции стоит стон: бабы и старики провожают своих близких, мобилизованных в армию. Плачут ста-*

рики и старухи, воют молодые женщины, ревут, глядя на взрослых, ребятишки; сами «воины» — молодые колхозники с узелочками и котомками за плечами — тоже почти все в слезах...».

В середине июля в Ленинграде была введена карточная система, но Лидию Васильевну и ее родственников она *«как-то мало встревожила. <...> Кое-что можно было купить без карточек, например, овощи. Работали коммерческие магазины. Хлеба хватало, так как кроме хлеба, была нормальная еда...»*.

В конце июля Л. В. Хромову привлекли к работе — она рыла щели за домом № 1 по Турбинной улице, работая по 8 часов в день. К этому времени Лидия Васильевна, да и остальные жители города, уже начали привыкать к воздушным тревогам. *«... Когда во время работы начинается тревога, все женщины стремятся бросаются по домам; нас подгоняет не страх, а желание воспользоваться «свободным временем» (ведь во время тревоги нельзя оставаться на улице) и поскорее сделать что-нибудь по хозяйству — убрать комнату, наладить обед и тому подобное. Даже досадно, если тревога непродолжительна, и через каких-нибудь 20—30 минут дают отбой...»*.

Семья Хромовых была настолько уверена в «несерьезности» войны, что не считала необходимым вывезти сына Лидии Васильевны из города. *«В июле начинается эвакуация детей. Мы пока не думаем отправлять Женю»*.

8 сентября 1941 года противник вышел к Ладожскому озеру, захватил Шлиссельбург и блокировал Ленинград с суши. Сообщение с Ленинградом теперь поддерживалось только по воздуху и Ладожскому озеру. С севера город блокировали финские войска. Наши же герои, кажется, совершенно не чувствовали надвигающейся опасности и продолжали жить так, словно никакой войны и не было. *«...Восьмого сентября мы с Женей надумали пойти в кинотеатр «Ударник» на новый фильм «Антон Иванович сердится». Отправились на пятичасовой сеанс, который закончился в семь часов. Досыта нахохотавшись, мы выходим из кино на Садовую. Женька в восторге: «Такая хорошая, веселая картина, что даже о войне забываешь!». Вдруг раздается вой сирены, вслед за этим сразу же раздается сильный грохот зениток...»*.

Но однажды произошло то, чего все боялись, то, во что никто не мог поверить — бомбы рвались совсем рядом. *«...Дом вздраги-*

ваит; в тумбочке звенит посуда... Наше окно разлетается вдребезги; стекла влетают в комнату вместе с частью рамы, срывая все наши затемнения; сыплется штукатурка, летят осколки... Стоны раненых сливаются с причитанием женщин и ревом детей. Люди потеряли рассудок. Паника в полном смысле слова...».

В душах людей поселился страх, каждый боялся за свою жизнь и жизнь своих близких: «Остаток ночи все жильцы проводят, не снимая пальто, сбившись в тесный кружок. Всем не до сна. Невольно ждешь повторения. Стоит на несколько секунд замолчать метроному, мерно отстукивавшему по радио, — и нервы моментально напрягаются, сердце перестает биться; чувствуешь, как пробегает мороз по коже: неужели опять завоюет сирена, неужели опять начнется?».

В ноябре в Ленинграде начался настоящий голод, который в полной мере коснулся и семьи Лидии Васильевны. Довоенные запасы быстро закончились, а блокадные нормы были мизерными. Отрывок, который вы сейчас прочтете, очень сложен для сегодняшнего понимания, но я все же решила его привести. «...Мы с некоторых пор лелеяли мечту — поймать кота и съесть его. И вот, мы с Колей (брат) вышли из дому «на охоту», захватив с собой веревку и мешок. Нам повезло: только мы перешли через Литейный (причем на минуту наше внимание было привлечено человеком, лежащим навзничь — первый умирающий от голода, увиденный нами), вдруг видим: неторопливой трусцой пробегает кот, чудный экземпляр, типичный домашний — крупный, пушистый, холеный. Почувствовав, что от этого момента зависит все, что кота необходимо (подчеркнуто автором) поймать, я ловлю зверя, набросившись на него всем телом. Держу крепко — не уйдешь! Руки мои оцарапаны, но я заметила это лишь потом, дома. Как же убивать?..». Читая эту историю, я понимаю, что голод и война провоцируют людей на поступки, которых они никогда бы не совершили в мирное и спокойное время. После рассказа об «охоте» я надолго отложила воспоминания — столь сильное впечатление произвела на меня эта сцена.

В середине января в семье Лидии Васильевны случилась трагедия: умер ее сын Женя. Восемнадцатого января Лидия Васильевна отправилась проведать сына и свекровь, живших в другой квартире: «...Женя лежит на кровати; лицо его изменилось до не-

узнаваемости — настолько он похудел и осунулся. Евдокия Васильевна вполголоса рассказывает мне о том, что три дня тому назад Женя съел с кусочком хлеба большое количество горчицы. Она оказалась отравой для его истощенного желудка. В три дня его скрутило. Я трогаю Женины щеки, лоб; он совсем теплый. Глаза полуоткрыты. Я зову его по имени, заглядываю ему в глаза, но не могу понять — в сознании ли он, видит ли он меня. Люба говорит, что Женя поджидал меня, она наклоняется к нему: «Женя, мама пришла». Но он не двигается. Как-то дико подумать, как-то странно, но видимо он уже умер...».

Любое переживание глушит голод. Как бы жестоко это ни звучало, но своя жизнь значит для человека гораздо больше, чем чужая. И если смерть сына оставила в душе Лидии Васильевны пустоту, то кража карточек 27 января ужаснула и заставила провести не одну бесонную ночь: «...Постепенно доходит до сознания весь ужас случившегося. Пять дней — до новых карточек — нам предстоит сидеть без крошки хлеба; что же касается продуктовых карточек, то по ним в январе не было почти никаких выдач; все, что полагалось дополучить по ним — крупу, сахар, масло, мясо — обещали выдать в феврале. Значит, почти всех январских выдач мы лишились. Как жить? На что надеяться? Сознание снова говорит, что никогда мы не были так близки к смерти, как сейчас. Но все мое существо восстает против нее; я чувствую, что буду до последнего бороться, цепляться за жизнь, буду стараться во что бы то ни стало выкарабкаться...». Нужно заметить, что воспоминания Лидии Васильевны невозможно читать без перерывов — они производят сильное, иногда шокирующее впечатление.

Пройдя все эти испытания вместе с Лидией Васильевной, мы радуемся ее долгожданному спасению — эвакуации в Саратов: «...Февраль 1942. Смерть Жени заставляет меня заново пересмотреть вопрос об эвакуации; теперь можно обдумать — не ехать ли, в самом деле, с Володей (Володя — брат Лидии Васильевны) в Саратов. Узнав при получении аттестата, где находится эвакуационный пункт, я иду туда и записываюсь. Ведь это ни к чему не обязывает! Записавшись на эвакуационном пункте в очередь на эвакуацию, я узнаю, что эвакуироваться можно будет не раньше конца марта. Часто мне кажется нереальной возможность отъезда. Когда я хожу по улицам, обходя валяющиеся трупы и встречая жутких по своему виду

людей, с усилием везущих саночки с покойниками, слышу звуки обстрела, иногда мне начинает казаться невероятным, что где-то можно жить без всего этого, жить нормальной жизнью...».

К сожалению, брат Лидии Васильевны заболевает буквально накануне эвакуации, и она решает остаться с Володей. Но первого апреля брат Лидии Васильевны умер: «...Теперь, после смерти Володи, Мне вдруг с поразительной ясностью приходит в голову мысль: надо спасать свою (подчеркнуто автором) жизнь, надо уезжать, ведь в Ленинграде я все равно никому больше не смогу оказать какой-либо помощи (видно, иссяк запас физических и нравственных сил, я чувствую — не выдержу). Бурная пасхальная ночь в значительной мере подхлестнула меня в моем крепнущем решении эвакуироваться: в эту ночь был налет небывалой силы и продолжительности, и даже мы, оцепевшие, почувствовали смертельный ужас. В эту ночь один сбитый вражеский самолет свалился в Таврический сад — совсем по соседству с нами — причем падал он с таким страшным, новым для нас звуком, что мы сразу почувяли «что-то не то», поняли, что это не просто бомба... Принимаю решение: сегодня или никогда! Надо успеть зайти получить по аттестату деньги за апрель (в последний раз); для этого надо иметь на руках эвакудостоверение; удостоверение же выдается лишь после обмена продуктовых и хлебных карточек на эвакуационные талоны. Все это нужно делать в разных местах. Если не удастся выехать сегодня, новая возможность представится не скоро: Ладожское озеро начинает подтаивать, а ведь ехать надо частью пути через озеро на грузовиках. Решено: сегодня или никогда! Надо сделать все возможное, чтобы успеть. Посадка — ад крошечный. Полный мрак. Натыкаемся на какие-то столбы, на людей, на углы, на санки. Каким-то чудом нахожу носильщика, обещавшего посадить меня в вагон, и с его помощью получаю место. Когда буря посадки успокаивается, ко мне залезают Таня и Луша (родственницы). Прощаюсь с ними и остаюсь одна. Ничего не жаль: ни комнаты, ни вещей, ни родных мест. Все мысли теперь там, впереди; а что меня «там» ждет — неизвестно...».

С Финляндского вокзала Лидия Васильевна доехала до станции Борисова Грива, где эвакуировавшихся погрузили на машины и повезли через уже подтаявшее Ладожское озеро: «...Колеса машины были на три четверти скрыты под водой. Дул сильный

ветер, в ушах свистело, дух захватывало. Так мы мчались четыре часа...». На другом берегу озера машины прибыли на железнодорожную станцию Лаврово. В восемь утра отправились в Волховстрой в «телячьих вагонах», то есть в вагонах, где не было никаких удобств, кроме крыши над головой. На протяжении дороги эвакуированных бесплатно и сытно кормили. К вечеру поезд достиг Тихвина. Поезд шел с частыми и длительными стоянками между станциями, так как из-за большого количества эшелонов образовывались заторы. Доехать от Тихвина до Бабаево удалось только через сутки. Из Бабаево с долгими остановками доехали до Череповца.

Чем дальше их увозили от Ленинграда, тем скуднее становился паек, но у Лидии Васильевны не возникло даже мысли о том, что ей не нужно было уезжать из города. Из Череповца выехали в Вологду, а оттуда — в Данилов, где начали голодать, так как все запасы подошли к концу, а до следующего пункта не доехали. За те двенадцать часов, пока эшелон стоял между Вологдой и Даниловым, Лидия Васильевна успела сделать свою первую покупку — килограмм хлеба за 200 рублей и шесть папирос, а на вынужденной стоянке на станции Пречистое ей удалось выменять вышитое полотенце на два кило картошки: «...В вагоне была буржуйка, миглом притащили откуда-то дрова, затопили, стали варить и печь картошку...».

Весь оставшийся путь Лидия Васильевна меняла вещи на продукты, например, «гребенка равнялась семи луковицам и чашке кислой капусты, кусочек туалетного мыла — четырнадцать штук картошки, вторую гребенку — на полкило хлеба и пшеничную булочку...». Эшелон остановился в трех километрах от Ярославля утром 15 апреля, а обед пассажиры получили только в восемь вечера. В Ярославле выяснилось, что те, кто едут в Саратов, должны сделать пересадку в Мичуринске, куда они добрались только через три дня, минуя Александров, Орехово-Зуево и Рязань: «...Пришлось ночевать на вокзале. Кругом грязь, вши, никакой кормежки. Я забыла сказать, что за все время пути, несмотря на большие трудности, несмотря на тяжелые условия, я не испытывала усталости...». Видимо, сказывались месяцы страданий, и надежда на спасение была так сильна, что Лидии Васильевне было некогда отдыхать.

21 апреля в пять утра началась погрузка на поезд, направлявшийся из Мичуринска в Саратов, ехать людям пришлось *«опять в телячьих вагонах. Но на этот раз посчастливилось: удалось занять место на верхних нарах»*. На маршруте от Мичуринска организация эвакуация была гораздо хуже: почти перестали выдавать еду, никто не знал, когда состав отправится с очередной стоянки. Из-за этого в Тамбове несколько человек отстало от состава. 24 апреля поезд прибыл в Ртищево, где получение обеда заняло пять часов. 26 апреля в 5.30 утра остановились в сорока километрах от Саратова, куда прибыли уже к девяти часам: *«...До одиннадцати нас возили по путям — маневрировали. Затем долгожданная высадка...»*.

В Саратове Лидия Васильевна остановилась у своей знакомой. Таким образом, «путешествие» из Ленинграда в Саратов длилось с 7 по 26 апреля, то есть 20 дней. Известно, что в Саратов была эвакуирована Ленинградская филармония, и Лидии Васильевне посчастливилось стать концертмейстером Галины Ковалевой. Затем Лидия Васильевна вернулась в Ленинград, где продолжала свою профессиональную деятельность вплоть до выхода на пенсию и смерти в 1976 году.

Судя по воспоминаниям, брат Лидии Васильевны Николай и его семья выжили, но их судьба неизвестна. К сожалению, ее муж Алексей, сын Евгений, свекровь Евдокия Васильевна и брат Владимир не смогли пережить страшных дней Великой Отечественной войны.

Блокадные страницы моей родословной

Венкова Евгения,
10 класс ГОУ № 143

Руководители: О. А. Забельская, Н. И. Ярыгина

В ходе работы над темой «Родословная моей семьи», я выяснила, что мои близкие родственники были непосредственными участниками событий Великой Отечественной войны и блокады. Они были героическими людьми, защитившими Ленинград и заслужили право на вечную благодарность потомков, на вечную славу.

Передо мной обращение председателя Муниципального совета «Большая Охта» Н. Л. Паялина к моей бабушке Валентине Эду-

ардовне Венковой: «От лица Муниципального совета «Большая Охта» поздравляю Вас с 58-ой годовщиной снятия блокады Ленинграда! Мы помним о тех тяготах, которое легли на Ваши плечи в те нелегкие дни. Спасибо вам, что Вы не сдали наш город».

Что это значит «не сдали город»? Это можно понять, если полистать книги о блокаде, посмотреть иллюстрации. Город без топлива и света, без хлеба и воды, тяжелые сугробы у самых Ростральных колонн, оборванные провода, стволы зениток на берегу Невы в Пушкинском сквере. На крышах домов дежурят ребята с повязками на рукаве, они гасят упавшие на крыши «зажигалки». Бетонные надолбы на пригородных шоссе, поплавки аэро-статов. Весь город — фронт. Невский проспект, воспетый поэтами и писателями, в блокадные дни он пуст и страшен. Вмерзли в снег троллейбусы и трамваи, замело пургой мостовые и тротуары. Все окоченело, все застыло, все сковала голодная смерть.

Но все ли? Нет не все! Люди выдержали! И среди тех, кто прошел испытания, чья воля победила — мои родные: Ворошкевич Валентина Эдуардовна, моя бабушка; Ворошкевич Нина Андреевна и Эдуард Феликсович, ее родители, мои прабабушка и прадедушка; а также Венков Андрей Васильевич, мой дедушка; Венковы Лидия Алексеевна и Василий Владимирович, его родители, мои прабабушка и прадедушка; родители моей прабабушки Лиды и сестра ее отца — Васильевы. Я посвящаю им свою работу.

Не было в Ленинграде семьи, которая так или иначе не пострадала бы во время Великой Отечественной войны и блокады. Семья Ворошкевич стойко переносила трудности, несла потери и радовалась победе.

Семья Ворошкевич в годы войны проживала на Петроградской стороне на улице Щорса, д. 29, кв. 6. Нина Андреевна Ворошкевич (1906—1982) — моя прабабушка, работала на трикотажной фабрике «Красное Знамя». Эдуард Феликсович Ворошкевич (1885—1942) — мой прадед, был отставным военнослужащим. У них в 1938 году родилась дочь Валентина (1938—2002).

Моя прабабушка Нина Андреевна Ворошкевич родилась в Санкт-Петербурге. Была она круглой сиротой и родителей своих не знала, воспитывалась в приемной семье в городе Валдае. Закончив школу, Нина приехала в Петроград, некоторое время служила горничной в одной обеспеченной семье, где и познако-

милась со своим будущим мужем Эдуардом Феликсовичем Ворошкевич. Он был активным участником событий Октябрьской революции и гражданской войны. Несмотря на значительную разницу в возрасте, брак был удачным.

Нина Андреевна бесценно и самоотверженно трудилась все дни блокады и годы войны, была почетным донором. Пережито было много горя и невыносимых трудностей: голод, холод, бомбежки, тревога за дочку, запредельная усталость, смерть мужа, который жертвовал своей долей еды ради жены и дочери. Он скончался зимой 1942 года, похоронен на Серафимовском кладбище. Нина Андреевна говорила о том времени скупно, не желая вызывать к жизни тяжкие воспоминания. Охотно рассказывала только случай своего чудесного спасения.

Однажды по пути на работу Нина Андреевна услышала сигнал «воздушной тревоги» и спряталась в ближайшей подвезд, что было, грубым нарушением инструкции: во время бомбежки необходимо было уйти как можно дальше от зданий и сооружений на наиболее открытое место. Но это очень страшно — стоять на открытом месте во время налета, когда над головой проносятся самолеты, и падают бомбы, кажется, что прямо на голову. Нину Андреевну выгнал из подвезда милиционер, который заметил, как она туда юркнула. Он только успел ее вытолкнуть и, нещадно ругая, отбежать с ней на какое-то расстояние, как точно в этот дом угодила бомба, и все здание медленно и страшно обрушилось у них на глазах.

Фабрика «Красное Знамя» в годы войны была перепрофилирована на производство гимнастеров и другого военного обмундирования. При фабрике был организован детский сад для детей сотрудников, который посещала дочь Нины Андреевны — Валентина, моя бабушка. У нее, как у многих детей в группе, была самодельная сумочка из фланели, в которую она собирала крошки хлеба со стола. Годы спустя бабушка горько сожалела о том, что ей не удалось набрать достаточно крошек, чтобы спасти от голодной смерти своего отца. Детская память, запечатлела такие картины: слой соли, равный по толщине ломтику хлеба, на котором лежал — чтобы больше съесть; и самая яркая — люди которые обнимаются и плачут от радости на улицах в день прорыва блокады.

После окончания войны Нина Андреевна познакомилась с хорошим человеком и вышла за него замуж. Его звали Василий Александрович Фадин (1905—1973). Он был жителем Твери, войну начал добровольцем Тверского народного ополчения. Затем участвовал в самых кровопролитных боях по обороне Ленинграда — на Невском плацдарме (знаменитом Невском пятачке). Награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги».

Супруги Фадины много лет прожили вместе. Нина Андреевна продолжала работать на трикотажной фабрике, Василий Александрович занимался изготовлением обуви. Они вместе воспитывали дочь Валентину, которая впоследствии стала инженером-экономистом, с 1963 по 1993 г. работала в ЦНИРТИ. Ежегодно 9 мая мы приезжаем на Северное кладбище, на могилу Василия Александровича Фадина, чтобы почтить память героя и вспомнить хорошего человека.

В тяжелые годы войны взаимовыручка, поддержка, забота друг о друге часто были залогом спасения жизни. Людей сплоченных, не оставляющих близких в беде, победить невозможно. Это в полной мере относится к большой и дружной семье Васильевых-Венковых: Венков Андрей Васильевич, мой дедушка; его родители — Венковы Лидия Алексеевна и Василий Владимирович, мои прабабушка и прадедушка; Васильевы Прасковья Алексеевна и Алексей Алексеевич, родители прабабушки Лиды, мои прапрабабушка и прапрадедушка и Васильева Дарья Алексеевна, сестра моего прапрадедушки.

Семья Васильевых-Венковых проживала на ул. Воинова (Шпалерной), д. 64, кв. 9. Венкова (Васильева) Лидия Алексеевна (1912—2006) моя прабабушка, была бухгалтером в детском саду при Балтийском заводе; мой прадедушка, Венков Василий Владимирович (1910—1978) был инженером-конструктором, работал на ГОМЗ. В 1938 году у них родился сын, Венков Андрей Васильевич — мой дед. Вместе с ними проживали родители Лидии Алексеевны: Васильевы Прасковья Алексеевна и Алексей Алексеевич.

На первом этаже дома, в котором они жили, находился продуктовый магазин, где во время блокады отоваривались карточки, и задолго до открытия выстраивались огромные очереди. Мои родные, как и все горожане в то время, получали по карточкам хлеб, напоминающий по виду и по вкусу глину. Ели дуранду,

«фирменное» блокадное блюдо, и изыскивали самые разные способы прокормиться. Был, например, съеден большой кожаный чемодан. После многочасовой варки из натуральной кожи получился вполне съедобный бульон. Такая же судьба постигла ремни и другие предметы из кожи. Мои родные проявляли фантазию. И только одного они не делали никогда — не отнимали у других и не трогали чужого.

Во время бомбежек жильцы дома прятались в подвале Смольного собора. Продолжалось это не долго: люди привыкли и перестали убегать. К тому же, Смольный район почти не пострадал от бомбежек. В окрестностях дома № 64 были разрушены какой-то случайной бомбой только Кикины палаты, стоявшие точно напротив. После войны мой дедушка и его друзья лазали по руинам палат, играли там в какую-то свою войну. Конечно, дети, особенно, если они окружены заботой и защитой взрослых, легче переносят все тяготы жизни. Мой дедушка, Венков Андрей Васильевич к началу войны был трехлетним ребенком.

Дедушка любил порядок и, как воспитанный ребенок, каждый день в обеденное время ставил на стол прибор, а потом очень удивлялся, что посуда так и оставалась пустой. Мать дедушки, Венкова (Васильева) Лидия Алексеевна, свою порцию еды приносила с работы домой в кастрюльке, кормила ребенка. Единственное, что позволяла себе обмакнуть в кастрюльку палец и облизать его.

В ноябре 1941 года дедушка заболел корью. Лечить его приходил знаменитый детский врач А. Ф. Тур. Он всегда появлялся с бутылочкой воды — вымыть руки перед осмотром ребенка. Вода был огромной ценностью в городе, и доктор Тур не считал возможным расходовать воду своих пациентов. Ранней весной 1942 года Лидия Алексеевна с сыном покинули блокадный город, проделав путь по льду Ладожского озера.

Некоторое время спустя был эвакуирован муж Лидии Алексеевны, Венков Василий Владимирович. Ценный специалист, он направлялся в город Омск для работы на заводе боеприпасов. Из блокадного Ленинграда Василия Владимировича вывезли на носилках, в крайней степени дистрофии. Близкие не надеялись больше его увидеть, но он нашел силы быстро поправиться и приступить к работе. Занимал должности от начальника сме-

ны до старшего инженера. Награжден медалью «За трудовую доблесть».

В квартире на ул. Воинова остались родители Лидии Алексеевны и незамужняя сестра отца Дарья Алексеевна Васильева (1870—1942). Дарья Алексеевна была значительно старше своего брата, она нянчила его в детстве, а потом как-то незаметно стала исполнять обязанности няньки его дочери и помощницы по хозяйству его жены. Годы спустя все домочадцы тепло вспоминали о ней. Отличная хозяйка, мастерица на все руки, спокойная, уравновешенная, неутомимая — настоящий добрый гений для всей семьи. Она не пережила первую блокадную зиму, разделив судьбу многих горожан в то время. Похоронена на Георгиевском кладбище на Охте.

Алексей Алексеевич Васильев (1888—1947), мой прапрадед, инженер по специальности, работал на «Петрозаводе», не оставляя службы в дни войны и блокады. Однажды, в конце дня, обходя помещения завода, уже оставленные рабочими, Алексей Алексеевич увидел одного из них, спящего на лавке. Звали его Савватий Платонович. На вопрос Алексея Алексеевича он ответил, что дом его разрушен, и ночует он теперь здесь на заводе. Алексей Алексеевич пригласил Савватия к себе в квартиру, где остались опустевшие после отъезда или смерти жильцов комнаты. Вскоре к Савватию Платоновичу приехали жена с дочкой и остались насовсем.

Те, кто знал эту историю, относились к ней по-разному. Многие говорили, что хорошее дело закончилось не слишком хорошо: Савватий, получается, отобрал у Васильевых часть квартиры. На это у бывших хозяев был ответ — их большую квартиру после войны все равно «уплотнили» бы, так как излишки площади были значительные. Кого-нибудь да подселили бы, а Савватий и его семья были хорошими соседями, с которыми Васильевы жили дружно много лет.

Во время бомбежек Савватий Платонович брал свой баян, выходил на кухню и играл мелодии громкие, бравурные — лишь бы заглушить звуки, несущиеся с улицы. Это было в то время, когда уже никто не бегал в подвалы Смольного, люди, оставшиеся в городе, мало чего боялись. Но слушать рев самолетов и грохот взрывов было по-прежнему невыносимо. Все выходили на кух-

ню поближе к баяну — пришельцу из другой жизни. Он пел так задорно, и никому не давал забыть, что другая жизнь есть, она впереди и она прекрасна!

Прасковья Алексеевна Васильева (1891—1985), моя прапрабабушка, мать Лидии Алексеевны, работала на пищеблоке туберкулезной больницы на Лиговском проспекте, д. 4 (в настоящее время — НИИ Фтизиопульмонологии). Попала она туда случайно — встретила на улице старого знакомого врача этой больницы, который ужаснулся, увидев ее, исхудавшую до неузнаваемости, бледную тень прежней женщины, тяжело двигавшуюся на отечных ногах. Он привел ее на пищеблок и определил на работу посудомойкой. Приступить к работе по-настоящему Прасковья Алексеевна смогла только через некоторое время. Первые дни она просто слизывала со стенок котлов остатки каши. Окрепла она быстро. Очень сильная была женщина, и здоровье имела отменное.

Прасковья Алексеевна дожила до глубокой старости, до 95 лет, повидала внуков, правнуков и праправнуков. Похоронена она на Георгиевском кладбище на Охте. Ее муж, Алексей Алексеевич, после войны прожил 2 года, скончался в 1947 году, похоронен на Георгиевском кладбище на Охте.

После войны Венкова Лидия Алексеевна работала в ЦКБ Министерства Военно-морского флота. В 1948 году Василий Владимирович вернулся на прежнее место работы в Ленинград, где и закончил трудовую деятельность старшим инженером-конструктором ЦКБ Оптико-механического объединения (ЛОМО). Мой дедушка, Андрей Васильевич Венков, инженер по образованию, ветеран труда Ленгидропроекта. Окончил Ленинградский технологический институт в 1961 году. Стаж работы — 30 лет.

Никого из моих родственников, ветеранов войны и блокады, кроме дедушки, сегодня уже нет в живых. Когда я обдумывала эту работу мои ушедшие близкие, как будто оживали, говорили со мной, они помогали мне. Работа «Блокадные страницы моей родословной» — мой долг перед моими родными, мое уважение к ним, гордость за них и обещание сохранить о них память навечно!

Я думаю о том, что эти страницы будут читать наши далекие потомки. Я хотела бы донести до них свои чувства, чтобы они, как и я, ужасались, восторгались, плакали и гордились родствен-

никами. Чтобы всегда помнили о том, о чем ни один человек, имеющий сердце, не должен забывать! Это бесценные сведения для любого гражданина, который любит свое Отечество и уважает его историю. Мы должны помнить о своих близких, благодаря которым, мы живем сейчас в нашем прекрасном городе.

Наш долг чтить память тех, кого уже нет, оказывать внимание, помощь и поддержку тем «блокадникам», которые еще с нами. Надо собирать сведения, слушать и записывать рассказы о прошлом. Мне нравится думать, что моя работа внесла какую-то лепту в изучение истории Отечества!

Война в судьбе моей прабабушки Пеньковой Надежды Владимировны

Пеньков Сергей,
9 класс ГОУ № 141.

Руководитель: Л. В. Дербилова

Моя прабабушка — Пенькова Надежда Владимировна — родилась 26 февраля 1921 года в Петрограде в обычной рабочей семье. Жила с родителями, бабушкой и двумя братьями на Покровской улице (сейчас это Чичуринский переулок) в доме № 15 в квартире № 2. Это был небольшой двухэтажный деревянный дом с огородами возле него. Папа был очень работающий, утром перед работой успевал полить или прополоть посадки. Мама очень рано уходила на работу, ведь она была поваром в детском доме.

Училась прабабушка вместе со своими братьями в школе, которая находилась на Свердловской набережной, к сожалению, номер она не помнит, а школьные документы были утрачены во время войны.

Прабабушка училась неплохо, но нужно было помогать родителям зарабатывать деньги. Поэтому сразу после окончания семилетки она пошла работать на конфетно-мармеладную фабрику № 5 оберточницей конфет. Эти годы она вспоминает как самые беззаботные, ведь ей было тогда даже меньше, чем мне сейчас. На фабрике было много ее ровесников, поэтому день проходил весело и быстро.

Братья, окончив школу, учились на слесарей, и потом стали работать на Металлическом заводе. Когда бабушке исполнилось

16 лет, она закончила курсы и тоже перешла работать на Металлический завод.

На заводе прабабушка познакомилась со своим будущим мужем Воронковым Николаем. Они поженились и вместе продолжали работать. Было много хорошего в их семейной жизни, но было и горе — смерть детей. Два мальчика и девочка 1939, 1940 и 1941 годов рождения умерли в младенчестве. Все трое похоронены на Богословском кладбище рядом с их прадедом Васильевым Яковом Васильевичем.

Моей прабабушке было 20 лет, когда началась Великая Отечественная война. Известие о ее начале 22 июня было настолько неожиданным, что никто не мог поверить в это. Утром по радио передали страшную новость, а придя на работу, прабабушка услышала об этом от всех, кто был на заводе.

Всех конторских служащих перевели в рабочие, а прабабушку перевели в транспортный цех. Из работниц транспортного цеха была сформирована бригада, а бригадиром назначили молодого инженера Кулакова Петра Петровича. Первое время эта бригада работала на погрузке и разгрузке угля, который был необходим для непрерывной работы завода. Бригаду, состоящую из нескольких молодых девушек, привозили на железнодорожную станцию в районе Лабораторной улицы, где они загружали грузовики углем прямо с поезда, а затем разгружали их на заводе. Это была трудная работа для молодых девушек, иногда у них не было сил идти домой, поэтому оставались спать прямо на заводе.

Все они были молоденькими, красивыми и худенькими. По словам прабабушки, к концу смены на них было страшно смотреть: все черные от угля, одинаково одетые в мужскую робу, часто не подходящую по размеру и болтающуюся на тоненьких плечах. Они выполняли ту работу, которая была рассчитана на здоровых мужчин, при этом никогда не жаловались, а наоборот старались шутками и разговорами отвлечь себя от грустных мыслей.

В один из таких дней девушка по имени Татьяна пришла на работу с красными заплаканными глазами, весь день она тайком вытирала слезы. И только вечером, после долгих расспросов рассказала, что получила похоронное письмо на мужа. На вопрос девушек, почему сразу не сказала, Татьяна ответила, что ей не хотелось, чтобы другие переживали ее горе. Она думала, что та-

кая новость помешает им хорошо работать. Собираясь домой, все плакали и сочувствовали ей. Это была первая похоронка в их бригаде, а сколько их еще пришлось до конца войны прабабушка даже не помнит.

Прабабушка вспоминает свою беспечность: она не закупала продукты впрок, а выкупала ровно столько, сколько нужно было, чтобы накормить семью. Ведь никто не ожидал, что город может оказаться в кольце.

В сентябре были установлены нормы на хлеб, а в ноябре настал настоящий голод. В хлеб помимо муки добавляли различные примеси, от которых он становился почти несъедобным, но отсутствие других продуктов делали его невероятно вкусным. От наличия даже такого хлеба зависело, встанешь ли ты утром и сможешь ли идти на работу? Отоваривать карточки почти всегда ходил прабабушкин отец Владимир Иванович. Ему было 57 лет и на фронт его не взяли. Недалеко от их дома на Кондратьевском проспекте находилась хлебная лавка, куда он каждый день ходил с карточками. Приходилось стоять в очереди, ведь хлеб привозили в разное время. Однажды Владимир Иванович опоздал, к его приходу весь хлеб разобрали, и ему пришлось идти домой ни с чем.

Прабабушка говорит, что есть хотелось постоянно, а ведь им нужно было выполнять физически тяжелую работу. После рабочей смены люди с трудом передвигали ноги, голова кружилась, и темнело в глазах от недоедания. Прабабушкин муж почти всю свою норму хлеба отдавал своим младшим сестрам, а прабабушке говорил, что уже поел и дома почти не притрагивался к еде. Через некоторое время у него начались голодные обмороки, однажды он не удержался и съел сразу большой кусок хлеба. В то время не все знали, что нельзя наедаться после долгого голодания, что и стало причиной его смерти.

В первые месяцы блокады, когда не удавалось отovarить карточки, мама моей прабабушки поменяла на продукты все ценное, что было в доме. Но с наступлением зимы, добавились еще и другие проблемы: сильные морозы, нехватка топлива и неработающий водопровод. Прабабушке приходилось ходить пешком до Невы за водой, везти бидончик на саночках, до дома довозила меньше половины, а иногда санки переворачивались, и тогда

приходилось возвращаться вновь. Поначалу люди, несмотря на голод и холод выходили на улицы, чистили тротуары и дороги от снега. Горожане пытались содержать город в порядке, но лютая снежная зима, голод и холод сделали это невозможным.

С наступлением блокады железнодорожного сообщения с «Большой землей» не стало, эшелоны больше не приходили, разгружать было нечего, поэтому бригаду, в которой работала прабабушка, перевели на восстановление трамвайных путей. Трамвай был почти единственным транспортом, который работал в городе во время войны. Топлива для автомобилей не было, поэтому пока хватало электричества, трамваи перевозили людей до мест их работы. Если снаряд попадал в рельс, то металл корежило и даже разрывало. Бригада доезжала до этого места на трамвае и принималась за работу. Им нужно было убрать испорченный отрезок и установить новый. Девушки на руках поднимали рельсу весом в сотни килограмм, меняли на целую, а потом засыпали воронку от снаряда песком. И так каждый день, а иногда и несколько аварий в день.

В один из январских дней прабабушкин отец, Владимир Иванович, отправился отоваривать карточки, но домой он не вернулся. Соседка, которая пришла из хлебной лавки, сказала, что видела его сидящим на ступеньках кинотеатра «Гигант». Женщины побежали за ним, но там его уже не было. Тогда всех умерших свозили в Тимофеевский склад, там был городской морг. Они отправившись туда, но и там его не нашли.

Вот с такими потерями они пережили первую зиму блокады. Летом 1942 года прабабушкина мама была эвакуирована в Ульяновскую область. По Ладоге отправлялось несколько барж, немцы бомбили их с самолетов, и одну из них задела бомба. Баржа стала крениться на один бок и погружаться в воду. Началась страшная паника, люди, спасаясь, прыгали за борт. Некоторых смогли спасти и поднять из воды на уцелевшие суда. Прибыв на станцию Верхняя часовня Ульяновской области, она устроилась работать поваром и до конца мая 1945 года жила и работала там.

Старший брат моей прабабушки Михаил ушел на фронт. От него не было ни одной весточки до конца войны, похоронки тоже не было, поэтому он считается без вести пропавшим. А младший брат Николай воевал, защищая Родину, дважды был ранен, а в

1943 году погиб. У нас в семейном архиве хранится похоронная на Николая и гражданский паспорт, который давали раненым на время лечения.

Прабабушка часто вспоминает вторую зиму блокады, потому что, оставшись одна, она лишилась еще и крова. Их деревянный дом разобрали на дрова, а всем немногочисленным жильцам, оставшимся в живых, предоставили комнаты в общежитии.

Работая на восстановлении трамвайных путей, прабабушка получила травму ноги. Обессиленные девушки уронили рельсу ей на ногу, от чего она некоторое время не могла ходить. Ее стопа распухла, посинела, и каждое движение вызывало жуткую боль. Скорее всего, был перелом, но тогда не было квалифицированной медицинской помощи. Прабабушке разрешили отлежаться некоторое время. Девушки по очереди приходили ее навестить, принося с собой ее отоваренные карточки. А как только она смогла самостоятельно ходить, тут же присоединилась к бригаде. Прабабушка и сейчас, вспоминая это, благодарит их, ведь своей заботой и помощью подруги спасли ей жизнь. Прабабушка предпочитает помнить только хорошее, а все плохое отодвигает и старается забыть.

Бригадир Петр Петрович всячески помогал девушкам выжить, доставая дополнительный паек. Весной принес картофельные очистки из столовой, которые они посадили и вырастили немного картофеля. Он был мелкий, но такой вкусный, будто из другой, мирной жизни.

Ежедневные бомбежки и артобстрелы стали обычным делом. Услышав по радио о налете немцев, все люди собирались и шли в бомбоубежище. Прабабушка вспоминает случай, который произошел с ней в один из осенних дней 1942 года. Когда прозвучал сигнал о начале бомбежки, она возвращалась из хлебной лавки. До бомбоубежища было очень близко, всего несколько десятков метров, но добежать прабабушка не успела. Сначала один из снарядов взорвался где-то справа, потом другой слева. В ушах у нее гудело, сердце, казалось, выпрыгнет из груди. Она растерялась и не знала, что ей делать и, не придумав ничего другого, просто прижалась к стволу дерева и так стояла, пока немецкие самолеты не улетели. После этого она еще долго не могла сдвинуться с места, стояла и смотрела в небо. На нем не было ни одного облачка, но и солнце было каким-то холодным. Сколько она так просто-

яла, глядя в небо, не знает. Но когда пришла в себя и решилась идти, то почувствовала, что ноги будто налились свинцом. Только тогда прабабушка осознала, что всю бомбежку пряталась под деревом. Слезы хлынули из ее глаз, как она говорит, это были слезы радости, ведь только чудо спасло ее от смерти.

Все, кто остался в городе, знали о том, что солдаты советской армии делают все для их освобождения. Поэтому жили надеждой и верой, но голод и холод делали свое дело. Очень часто люди умирали прямо на улице, не дойдя до дома или работы. Прабабушка рассказывает о том, как покойников собирали и увозили в морг, а потом хоронили в братских могилах.

Однажды я ездил с прабабушкой к Пискаревскому мемориалу. Мы прошли вдоль захоронений, подошли к Вечному огню. И там я увидел, как вдруг прабабушка стала еще меньше ростом, вся сгорбилась и потемнела, словно вернулась в те страшные времена. И я почувствовал, что то тяжелое время никогда ее не отпускало. Она как бы заново переживала боль и горечь потерь и страданий.

18 января 1943 года было прорвано блокадное кольцо, что существенно облегчило ситуацию в городе. Нормы хлеба увеличились, и жизнь стала немного легче. Сразу же было принято решение восстановить железнодорожное сообщение, но для этого нужно было восстановить разрушенную дорогу. Вся бригада Кулакова П. П. была задействована на этих работах. Девушки работали и днем и ночью, отдавая все силы. Все до единой они выжили, правда были истощены, и им требовалась медицинская помощь. Их по очереди направляли в госпиталь на лечение. Несколько дней отдыха, усиленное питание, и девушки снова были в строю.

До полного снятия блокады 27 января 1944 года они трудились, восстанавливая дороги. Затем бригаду расформировали, и каждая из них сама выбирала, где ей работать. Прабабушка некоторое время работала на заводе, а потом выучилась на вагоновожатую и 17 лет работала в трамвайном парке имени Калинина.

9 мая 1945 года — самый счастливый день в жизни всех, кто пережил войну и блокаду. Радости людей не было предела! Услышав по радио эту долгожданную весть, все люди выбегали на улицу, поздравляли друг друга, целовались и смеялись. Прабабушка была на работе, вела трамвай, и когда вошедшие люди со-

общили ей о Победе, она, с трудом сдерживая себя, доехала до остановки. И только остановившись, дала волю эмоциям: смех и слезы все смешалось.

А вечером был победный салют! Люди не сразу поняли, что это такое. Они выбегали из домов в том, что первое попало под руку. А поняв причину взрывов, успокаивались. В эту ночь праздновали Победу все и везде. А у прабабушки впереди была свадьба (со своим вторым мужем она познакомилась в конце войны) и срок четыре года счастливой жизни с любимым.

Моя прабабушка была награждена медалью «За оборону Ленинграда». По ее мнению, это самая дорогая награда. Каждый год 9 мая мы приезжаем к ней в гости, для нее этот день самый долгожданный праздник. К нему она готовится заблаговременно и ждет его, как тогда в 1945. Прабабушка надевает красивый наряд, вешает медаль «За оборону Ленинграда», мы накрываем праздничный стол, и все вместе поздравляем друг друга.

Память о Великой Отечественной войне священна в нашей семье.

История, судьба, память: Солодова Нина Федоровна

Веселов Виктор,

9 класс ГОУ гимназия № 177

Моя прабабушка Солодова Нина Федоровна родилась в городе Ленинграде в 1924 году в простой рабочей семье. Отец, Солодов Федор Петрович, был извозчиком, а мать, Иванова Марфа Ивановна, домохозяйкой. У Нины Федоровны было два брата и сестра. Все ее детство прошло в Ленинграде. Жили они большой семьей, на улице Шкапина в трехкомнатной квартире на втором этаже. Дома у них были разные животные: гусь — Петя, маленькая обезьянка — Ася, птички, кролики и белые крысы. Про белых крыс, прабабушка вспоминает: «Во время блокады, когда обычные крысы из подвалов проникали в квартиру, то именно те самые домашние белые крысы гоняли их, как бы защищая свою территорию». Училась она в обычной школе и окончила семь полных классов.

Двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года началась самая жестокая и кровопролитная война в истории человечества. В это время Нине исполнилось семнадцать лет. Она

добровольно пошла работать санитаркой, ухаживать за ранеными в военный госпиталь, который находился в Александроневской лавре. Немцы бомбили город и сбрасывали с самолетов зажигалки. Через дорогу от их дома по улице Шкапина, 27 находился военный склад. Все кто мог, ходили на крыши домов и гасили зажигалки в ведрах с водой, чтобы не было пожара.

Многие предприятия различных отраслей во время войны были эвакуированы из Ленинграда в тыл страны, а оставшиеся заводы и фабрики переоборудованы для производства военной продукции и техники. На рабочих местах вместо мужчин, ушедших на фронт, в основном, работали женщины и подростки. Все работали под лозунгом. «Все для фронта, все для победы!». На небольшом военном заводе работала и семнадцатилетняя Нина Солодова. Она засыпала порох по весу в бомбы. А вес должен был быть точным — ни больше, ни меньше, а если была ошибка, то это считали вредительством. Работали по 14–18 часов, чтобы экономить силы, приходилось ночевать в цеху.

Сестра Нины от Ленинского райисполкома работала в комиссии по распределению в детские дома детей, которые остались сиротами и беспризорниками. Младший брат, которому было одиннадцать лет, дежурил по ночам в булочной, она находилась в их доме. Он гонял ночью крыс палкой, и за это ему в конце недели давали буханку хлеба. Кошек было мало, люди были голодные и ничем не брезговали. Старший брат во время эвакуации вместе с заводом, на котором строили самолеты, был отправлен на Урал в город Нижний Тагил. Мать с сестрой — тоже на Урал, там они работали в детском саду. А Нина, когда ей исполнилось 18 лет, от военкомата была отправлена на 2-ой фронт, которым командовал Маршал Советского Союза дважды Герой Советского Союза Главнокомандующий Северной группы войск Константин Константинович Рокоссовский. Этот период в жизни прабабушки лежал уже на рубеже того нового периода жизни, когда детство кончилось, а юность еще не наступила. Нужно было проститься с детством — шла война.

Попала Нина Солодова в 205 артиллерийский полк в разведывательную роту в/ч 25386 санинструктором. Здесь она прослужила до конца войны. Среди смерти и крови незаметно делала обычное и святое — спасала жизнь защитникам Родины, выта-

скивая раненных солдат с поля боя, отвечала за санитарное состояние подразделения. За время боев в роте сменилось с десяток санинструкторов. Для всех они были сестричками. Они мастерски накладывали жгуты, бинтовали раны, учили этому искусству солдат, благо случаев применить полученные навыки было более, чем достаточно.

Однажды, это было под Витебском, во время прорыва группировки противника, в землянку, в которой находились раненые, попал снаряд, и она загорелась. Невзирая на смертельную опасность, Нина стала вытаскивать раненых и с сильными ожогами 2 и 3 степени была отправлена в военный госпиталь в город Витебск. В госпитале она лежала в маленькой комнате одна, потому что была вся обгоревшая как головешка, и когда к ней пришла первый раз медсестра, то потеряла сознание от увиденного, и после этого над ее кроватью сделали полог из марли. После госпиталя Нина хотела вернуться только в свою часть, которая была уже в Польше, в городе Любава. Путь был не близкий, но это не остановило ее. Добравшись до своей части, она узнала, что за спасение раненных солдат командование наградило ее медалью «За отвагу». Все были рады ее возвращению и поздравляли с первой наградой, которую она получила в двадцать лет.

И наконец, враг побежден, закончилась эта длинная война. Взят Берлин, и немцы вынуждены были подписать Акт о капитуляции. Война закончилась, но не для всех. Восьмого августа 1945 года началась война с Японией. И часть, в которой состояла Нина Солодова, отправили на Дальний Восток. Добирались туда на поездах. На одной из станций, недалеко от реки Амур, Нина решила помыться, так как сказали, что поезд будет стоять 40 минут. Но поезд тронулся раньше, а она без вещей и документов осталась на вокзале одна. Начальник комендатуры помог ей, и на попутных поездах она догнала свой эшелон. Так со своей частью она доехала до пункта назначения. Но эта война была самой короткой, уже второго сентября 1945 года Япония вынуждена была подписать Акт о безоговорочной капитуляции. И все с победой вернулись домой. У Нины Федоровны есть много наград: медаль «За отвагу», орден Славы II степени, медаль «За боевые заслуги».

После войны вся семья вновь воссоединилась в Ленинграде, это было настоящее счастье. Правда, вместо трехкомнатной квар-

тиры, которая была раньше на улице Шкапина, они получили в этой же квартире комнатуху всего в 9 квадратных метров! Пятиэтажный дом находился во дворе, в котором были сложены дрова. Границами между дворами были сараи, в которых также были дрова, или какая-нибудь живность (голуби или кролики). В середине двора стоял одноэтажный домик, в котором жил дворник. Ворота с улицы на ночь всегда закрывали на замок. А за домом была прачечная, где все жильцы по очереди стирали свои вещи, но по предварительной записи. Вот так и жили, но самое главное было то, что все остались живы и здоровы, жизнь продолжалась, но это была новая мирная жизнь. Нина Федоровна вышла замуж, у нее родилась дочь, семья получила новую квартиру. За плечами остались суровые фронтовые годы жизни. И без слез, Нина Федоровна о них рассказывать не может. Сейчас моей прабабушке восемьдесят пять лет, она добрый и веселый человек!

III. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СУДЬБЕ МОЕЙ СЕМЬИ

Моя семья — частичка Победы

Чернецова Екатерина,
7 класс ГОУ гимназия № 628
«Александринская гимназия»
Руководитель: И. И. Белокрылова

Все дальше уходят в прошлое годы Великой Отечественной войны, все меньше и меньше остается живых свидетелей тех страшных событий. О них я знаю благодаря телевидению и книгам, а больше по рассказам моих бабушек и дедушки о том, как их родители жили и воевали в то страшное время. Это мои прадеды — Чернецовы Петр Иванович и Ольга Федоровна.

Война застала моего прадеда и прабабушку еще совсем молодыми, полными сил и здоровья. У них были мечты и планы на будущее, но пришла война, и их жизнь изменилась — они ушли на фронт.

В нашем семейном архиве сохранились старые черно-белые фотографии. На них бравый командир артиллерийского дивизиона в военной форме, подтянутый, серьезный. В его взгляде спокойствие и уверенность. Мой прадед прошел всю войну. Начиная 24-х летним лейтенантом, в конце войны был уже в звании подполковника. Был награжден медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За оборону Ленинграда», орденами Красной Звезды, Александра Невского.

Моя прабабушка, ей тогда было 20 лет, с первых дней войны была призвана на военную службу как военный фельдшер, так как закончила Медицинский техникум с дипломом фельдшера общей практики. Дивизия сражалась сначала на Лужском рубеже обороны, а потом на Невском пятачке, пытаясь прорвать блокаду. В начале марта 1943 года ее больную, без сознания, последней, по начавшемуся ледоходу вытащила на правый берег фронтовая подруга. После окончательного выздоровления прабабушка получила назначение на должность фельдшера отдельного тя-

желого артиллерийского дивизиона, которым и командовал мой прадед. Вот так они встретились.

Дальше — дороги войны. Они преодолели все, им повезло, они остались живы. Они видели салют Победы, который гремел в честь солдат, вернувших мир на нашу землю. Вместе они прожили долгую жизнь. Сейчас их уже нет, но есть фотографии, на которых они счастливые и радостные.

В моей семье эти военные истории передаются из поколения в поколение. Каждый год, 9 Мая, следуя нашей семейной традиции, мы едем в Александро-Невскую лавру, где похоронен мой прадед, возлагаем цветы, а затем вечером рассматриваем фотографии военных лет. Поэтому мне захотелось сохранить эти воспоминания, написав работу о своих прадедах, чья молодость пришлось на годы войны.

Петр Иванович Чернецов родился 27 августа 1916 года в городе Калуга Московской губернии. В 1918 году мать вышла вторично замуж за военного и уехала с сыном в Петроград. Новая семья поселилась на Песках, в Дегтярном переулке, в квартире, предоставленной генералу Бабицину академией. В 1928 году В. В. Бабицин умер, и семью моментально «уплотнили» до комнаты в 14 кв. метров.

После 9 класса Петр пошел работать на Котельный завод на Охте. Одновременно поступил на рабочий факультет при Химико-технологическом институте. Было ему тогда 16 лет. Закончив рабфак, Петр был зачислен студентом института и отучился первые два курса. В 1936 году по призыву «Комсомолец в артиллерию!» его направили на учебу в Артиллерийскую академию им. Дзержинского. Закончил академию Петр Иванович в мае 1941 года в звании старшего лейтенанта. После выпуска был направлен в корпусной артиллерийский полк в город Моршанск Тамбовской области на должность командира звуковой батареи. Там он и встретил войну.

В июле 1941 года полк был направлен на Западный фронт в район Вязьмы и принял участие в боях, продолжавшихся три месяца. Здесь Петр Иванович стал начальником штаба полка, капитаном. Спустя некоторое время получил назначение в штаб артиллерии Московской зоны обороны, а потом в штаб артиллерии Западного фронта. За участие в битве за Москву прадед награжден медалью «За оборону Москвы» и орденом Красной Звезды.

В сентябре 1942 года его назначили командиром 400-го отдельного тяжелого пушечного артиллерийского дивизиона РВГК дивизиона были за Волгой, а наблюдательные пункты на Мамаевом кургане, на тракторном заводе, на элеваторе, то есть на самых высоких точках города. Дивизион вместе со мной направили на оборону Сталинграда. Огневые позиции оружейным командиром был на Сталинградском фронте до самого окончания битвы на Волге и капитуляции немецкой армии. Тогда П. И. Чернецов был награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Сталинграда».

После окончания Сталинградского сражения 400-й отдельный тяжелый пушечный артиллерийский дивизион перебросили на Ленинградский фронт с целью усиления артиллерии фронта дальнобойными орудиями. Дивизион был вооружен тяжелыми 152-мм пушками БР-2, которые имели дальность стрельбы 25 километров. Обстрелы города в это время стали наиболее сильными, так как немцы поняли, что взять город ни штурмом, ни голодом не удастся. Для предотвращения разрушения города был создан 3-й Ленинградский артиллерийский контрбатареинный корпус. Командовал корпусом генерал Н. Н. Жданов. В корпус входили все артиллерийские части Ленинградского фронта, способные бороться с артиллерией, обстреливавшей город, в том числе и 400-й отдельный тяжелый пушечный артиллерийский дивизион.

Огневые позиции орудий дивизиона располагались в районе Средней Рогатки (площадь Победы), а наблюдательные пункты находились на трубе Ижорского завода в Колпино, на крыше эллинга Морского завода у залива, на крыше башни мясокомбината на Московском проспекте. А цели для дивизиона были на Вороньей горе, в районах Пушкина и Павловска, Александровской, Красного Села, то есть там, куда не могли достать обычные полевые орудия. При необходимости дивизион открывал огонь по немецким позициям с тем, чтобы вызвать огонь немцев на себя, а не на город. Так поступали, кстати, все артиллерийские части корпуса. Осенью 1943 года 400-й отдельный артиллерийский дивизион за боевые заслуги был переименован в 52-й гвардейский отдельный тяжелый пушечный артиллерийский дивизион.

А потом наступило время окончательного снятия блокады, и дивизион стрелял так интенсивно, что у одного орудия треснул ствол. После окончания войны в Ленинграде, в Соляном переулке, был организован музей обороны города и вот это орудие с треснувшим стволом стало там экспонатом. За участие в обороне Ленинграда П. И. Чернецов награжден орденом Отечественной войны I степени и орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Ленинграда».

Весной 1944 года П. И. Чернецов был назначен начальником штаба тяжелой артиллерийской бригады полковника С. Витте, входившей в 27 артиллерийскую дивизию. С этой бригадой он прошел до Прибалтики, где были окружены в конце войны около 1,5 миллионов немецких войск. В марте 1945 года его назначили начальником штаба 27 артиллерийской дивизии. В этой должности он и встретил День Победы.

В дивизии он прослужил до 1949 года и был переведен в Москву в штаб артиллерии Красной Армии. Работая в штабе, участвовал в экспедиции на полюс и испытаниях на Новой Земле, за что награжден орденом Красной Звезды. В 1951 году его направили на учебу в академию Генерального штаба им. Ворошилова, которую он закончил с золотой медалью. В 1954 году П. И. Чернецов получил назначение на должность начальника штаба артиллерии армии в городе Баку.

В 1958 году ему предложили должность заместителя начальника кафедры в Артиллерийской академии. В 1960 году защитил диссертацию и стал кандидатом военных наук, а в 1962 году ему было присвоено ученое звание доцента. Тогда же, в 1962 году, он стал начальником кафедры. В 1964 году награжден орденом Красного Знамени.

В 1964 году ему присвоили воинское звание генерал-майор. В этом звании и должности П. И. Чернецов служил до 1972 года, когда по состоянию здоровья и возрасту был уволен в запас. Но и находясь в запасе, продолжал трудовую деятельность в области военной науки. Окончательно отошел от дел он только в 1987 году. В связи с 50-летием победы в Великой Отечественной войне награжден вторым орденом Отечественной войны I степени. Скончался в декабре 2002 года, похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры как кавалер ордена Александра Невского.

Моя прабабушка Ольга Федоровна Семенова родилась в 1921 году, в Ташкенте, в семье музыканта. Родители, Федор и Прасковья Семеновы, бежали в Ташкент от голода и смуты в Петрограде в 1918 году. В конце 1921 года Семеновы с маленькой дочкой вернулись в Петроград в свою квартиру на Моховой улице. Девочка росла, училась в школе, школа была в том же доме только во втором дворе, училась в музыкальной школе по классу фортепиано. В 1938 году Ольга закончила 10 классов и музыкальную школу, но вместо поступления в музыкальное учебное заведение поступила в Медицинский техникум. Весной 1941 года окончила Медицинский техникум с дипломом фельдшера общей практики.

Ольга Семенова была призвана на военную службу сразу же с объявлением мобилизации как военный фельдшер. Призвана была Дзержинским военкоматом Ленинграда и получила назначение в один из полков 2-й дивизии народного ополчения. 12–15 июля часть бойцов этой дивизии численностью примерно 1000 человек были направлены на усиление войск Лужской зоны обороны. С ними Ольга Семенова попала на фронт. Бои здесь были очень сильными и длительными. В конце августа 1941 года войска оставили город Луга и с боями начали отход к Ленинграду. Ольга Федоровна рассказывала, что отходили остатки ее батальона через леса в направлении Тосно и вышли к новой линии обороны около Колпино. Так как их осталось совсем мало, то батальон расформировали и людей направили на пополнение других частей. Ольга Семенова была назначена фельдшером стрелкового батальона 284 стрелкового полка 86-й дивизии.

Эта дивизия тоже была выведена в тыл после тяжелых потерь в боях и занимала оборону по правому берегу Невы у Шлиссельбурга. Так было до сентября 1941 года, когда было принято решение о форсировании Невы и прорыве обороны в районе Невской Дубровки. В октябре 1941 г. 284 стрелковый полк с большим трудом был переправлен на левый берег Невы, где принял участие в боях по расширению «пяточка». Потери были большими, и через две недели полк вывели обратно на правый берег. Второй раз она переправлялась на «пяточок» в марте 1942 года с батальоном, который так там и остался до своего конца в апреле 1942 года, когда начался ледоход. Помощь оказать батальону никто не смог.

Батальон погиб. Тогда Ольга Семенова тяжело заболела, и ее по битому льду вытащила на правый берег подруга. Так что Ольга Федоровна была одна из немногих, кто остался в живых из состава батальона 284 полка.

Почти месяц пролежала Ольга в госпитале и, когда выздоровела, ей, уже зачисленной в батальон выздоравливающих, разрешили поездку в город навестить родителей. Дом был цел, но в квартире только мертвые, кроме одной комнаты напротив. Родители были мертвы. Младшего брата Бориса Ольга нашла чуть живого под лестницей у замерзшего лифта. Брат и рассказал, что родители умерли в марте, но у него не хватало сил похоронить их. Ольга похоронила родителей на Пискаревском кладбище, забрала брата и вернулась в госпиталь, в батальон выздоравливающих. После окончательного выздоровления Ольга вернулась в свой 284 стрелковый полк фельдшером батальона, а брат был зачислен в ремонтную роту полка. В 284 стрелковом полку Ольга Федоровна служила до лета 1943 года, когда получила назначение на должность фельдшера 52-го гвардейского отдельного тяжелого пушечного артиллерийского дивизиона, начальником медицинской службы части. С разрешения командира дивизиона брат Борис тоже был зачислен в штат дивизиона сначала в артиллерийскую мастерскую, а потом переведен в топо-геодезическую батарею. С этим дивизионом Ольга Федоровна прошла дорогами войны от Ленинграда до Прибалтики почти до самой Победы.

В 1944 году она вышла замуж за своего бывшего командира дивизиона Чернецова Петра Ивановича, и в апреле 1945 года у них родился сын. За годы войны Ольга Федоровна была награждена орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II-й степени, медалью «За оборону Ленинграда».

Собирая материал о своих прадедах, я много узнала и о самой войне. Раньше я не задумывалась, что это так страшно. Нашему поколению очень повезло, что мы живем в мирное время.

Я горжусь своими прадедушкой и прабабушкой. Они для меня являются примером стойкости и жизнелюбия. Иногда задумываюсь над тем, что надо обязательно сделать что-нибудь полезное для людей, чтобы мои правнуки гордились мной. Таким мыслям я обязана своим прадедам Чернецовым Петру Ивановичу и Ольге Федоровне. Вот, кто прожил достойную жизнь, посвященную людям!

Мой дедушка и близкие родственники охотно помогали мне собирать материал, разбирать старые фотографии и документы семейного архива, а также делились своими воспоминаниями. Изучая фотографии и слушая рассказы родных, я узнала и о других членах нашей семьи, об их жизни во время Великой Отечественной войны. Например, мой прадед Мироненко Михаил Федорович во время войны попал в плен, а моя прабабушка Донченко Евдокия Ивановна была отправлена на каторгу в Германию. Поэтому я планирую продолжить работу над этой темой.

Великая Отечественная война в судьбе моей семьи

Харламкова Мария,
9 класс ГОУ гимназия № 628
«Александринская гимназия»
Руководитель: О. А. Львова

Тема моей работы «Великая Отечественная война в судьбе моей семьи». Мне близка эта тема, так как я читала книги о блокадном Ленинграде, смотрела художественные и документальные фильмы. Каждое 9 мая мы всей большой семьей собирались у моей прабабушки и слушали различные истории о том тяжелом военном времени. С моей точки зрения, каждый гражданин должен знать историю своей страны, гордиться своими дедами и прадедами.

Война — это горе, слезы. Она «постучалась» в каждый дом, принесла беду: матери потеряли своих сыновей, жены — мужей, дети остались без отцов. Тысячи людей прошли сквозь войну, испытали ужасные мучения, но они выстояли и победили. Победили в самой тяжелой из всех войн, перенесенных до сих пор человечеством.

В моей семье также пережили горе. Семья моей прабабушки Антонины Дмитриевны лишилась Ивана Зверева (дедушка Антонины Дмитриевны). В 1943 году он был сожжен заживо фашистами, когда они разоряли деревни Брянской области. Иван Зверев был особенным человеком — офицером, прошедшим не одну войну (25 лет отслужил в царской армии), пережившим революцию. Это была большая потеря для семьи.

Отец моей прабабушки, Ястребов Дмитрий Сергеевич, во время войны находился в блокадном Ленинграде. Зима 1942 года

была очень тяжелой для жителей нашего города: не хватало пропитания и теплой одежды, фашисты обстреливали город. Дмитрий Сергеевич умер от голода в феврале 1942 года и был похоронен на Волковском кладбище.

Брат моего прадедушки, Францев Иван Маркович, пропал без вести во время боевых действий на Кавказе. Последний раз от него получили письмо в январе 1943 года, и после этого о нем ничего неизвестно.

Мою прабабушку, Францеву Антонину Дмитриевну, война застала, когда она была студенткой Фармацевтического училища. Она была отправлена в поселок Осиновая роща, недалеко от станции Сертолово Ленинградской области, для строительства оборонительных сооружений. Ей приходилось очень тяжело на морозе. Была суровая зима 1941 года. Приходилось копать траншеи, переносить тяжелые бревна для строительства укреплений, не хватало пропитания и теплой одежды. Она рассказывала, что *«по всему лесу было разбросано большое количество листовок с призывом перейти на вражескую сторону. Эти листовки фашисты сбрасывали со своих самолетов»*.

В 1943 году моя прабабушка закончила Фармацевтическое учебное заведение и начала работать в штабе Ленинградского фронта, как фармацевт, доставляла лекарства раненым. В том же 1943 году была награждена медалью «За Оборону Ленинграда». После окончания войны — орденом Отечественной войны II степени.

А. Д. Францева родилась 29 августа 1925 года в деревне Швечковы дворы Сервского района Брянской области. У нее была большая семья: отец — Ястребов Дмитрий Сергеевич, мать — Ястребова Варвара Ивановна, братья — Тимофей и Александр, и сестра — Наталья. Отец моей прабабушки был зажиточным крестьянином. В 1934 году случилось непредвиденное: в один из дней родственник, работающий бухгалтером в органах НКВД, сообщил, что на следующее утро придут «по их душу» (раскулачивать). Имея своих лошадей, Дмитрий Сергеевич собрал кое-какие вещи, забрал детей и уехал в Комаричи, а оттуда перебрался в Ленинград. В Ленинграде отец моей прабабушки устроился работать сантехником, а мать — кочегаром. После окончания 7 классов Антонина Дмитриевна поступила в Фармацевтическое учи-

лище, там ее и застала война. Всю войну Антонина Дмитриевна безвыездно находилась в блокадном Ленинграде. В мае 1944 года вышла замуж за Францева Федора Марковича. Родила двух детей: Галину и Елену. После войны работала фармацевтом в аптеке штаба Ленинградского военного округа. В 1950 году, когда ее муж был переведен в штаб корпуса в Выборг, поехала с двумя детьми за ним. После смерти мужа, в 1969 году, вернулась в Ленинград. Умерла в 2008 году.

Мой прадедушка Францев Федор Маркович родился 27 сентября 1918 года в селе Тройницком Таврического района Восточно-Казахстанской области Казахской ССР в семье крестьянина-середняка.

У Федора Марковича была большая семья: три сестры и два брата. Его родители, Францев Марк Васильевич и Францева Агафья Перфирьевна, до и после революции занимались сельским хозяйством. Отец Федора Марковича умер в 1947 году, мать состояла членом колхоза имени Ворошилова с 1930 года и проживала в селе Тройницком Таврического района Восточно-Казахстанской области.

В 1934 году Федор окончил 7 классов Тройницкой школы, затем учился на педагогических курсах, которые окончил в августе 1934 года. В 1938 году окончил заочно 2 курса Семипалатинского педагогического училища.

По профессии Федор Маркович — учитель. С 1934 по 1939 года работал учителем и потом заведующим школой в Таврическом районе Восточно-Казахстанской области.

14 мая 1939 года был призван на действительную военную службу в армию. Учился в полковой школе 4-го запасного артиллерийского полка, затем был назначен командиром орудия. С января 1940 года был старшим писарем строевой части штаба полка, исполнял обязанности завделпроизводством 260-го гаубичного артиллерийского полка 142-й Краснознаменной стрелковой дивизии. С 20 декабря 1940 года по 29 мая 1941 года был курсантом Окружных интендантских курсов Ленинградского военного округа, которые окончил по специальности завделпроизводством строевой части.

Ф. М. Францев участвовал в Великой Отечественной войне в составе отдела кадров Ленинградского фронта и штаба глав-

кома Северо-Западного направления. С 17 июля по 17 августа 1941 года исполнял обязанности экспедитора по секретной корреспонденции штаба Главкома направления «Город Ленинград, Смольный». С 17 августа 1941 года по 16 ноября 1944 года — заведующим производством 1-го отделения отдела кадров Ленинградского фронта, с 16 ноября 1944 по 21 февраля 1945 года — 3-го отделения. За боевые заслуги был награжден двумя орденами Красной Звезды, а также медалью «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

После войны исполнял обязанности помощника начальника 3-го отделения отдела кадров Ленинградского фронта, затем помощника начальника 2-го отделения отдела кадров Ленинградского военного округа. С августа 1949 года по 16 февраля 1950 года был старшим офицером 4-го отделения отдела кадров Ленинградского военного округа. С февраля 1950 года исполнял обязанности помощника начальника строевого отдела 30-го Гвардейского стрелкового Ленинградского Краснознаменного корпуса. Умер в 1969 году в Выборге.

Мой прадедущка Карпов Иван Алексеевич родился 19 августа 1911 года в Новгородской области в семье зажиточного крестьянина. У него была большая семья: отец, Алексей Карпович, мать, Анастасия, 4 сестры и 1 брат. После окончания школы работал председателем колхоза, позже бригадиром. Женился в 1937 году на Анисье Александровне. У него было 5 детей: Татьяна, Василий, Пелагея, Зинаида и Валентина.

В 1939 году началась советско-финская война. Мой прадедущка был призван на фронт и участвовал в боях на Карельском перешейке. Бои были очень тяжелыми: продвижению войск мешали тяжелые погодные условия. Солдаты были не подготовлены к таким сражениям, многие товарищи моего прадедущки погибли. Боевые действия наших войск закончились в марте, и спустя месяц мой прадедущка вернулся домой.

Но через год нашей стране опять пришлось пережить тяжелые времена — началась Великая Отечественная война. Осенью 1941 года Иван Алексеевич был призван на фронт. Дома его остались ждать его жена Анисья Александровна и двое детей. Мой прадедущка воевал на Ленинградском и Волховском фронтах.

Его участие в боевых действиях было оценено: он был награжден орденом Отечественной войны II степени, а также медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда». К концу войны Иван Алексеевич дошел до Германии. Война для него закончилась только в 1946 году.

Война страшная, ужасная вещь, которая соединила в себе несовместимое — любовь и ненависть, жизнь и смерть. Во время военных действий человек проявляет себя, показывая силу, храбрость, мужество, отвагу, милосердие... Но я бы хотела, чтобы все эти качества проявлялись в человеке в мирное время. Человек мудрое создание, и я надеюсь, что никогда не узнаю, как рушатся дома от взрывов и, что люди погибают на поле боя. Нам, всему человечеству, свои знания, силу, умение, следует приложить в мирное, созидательное русло.

Дружба народов ковала победу (грузины в обороне Ленинграда)

Хоперия Нонна,
9 класс ГОУ гимназия № 628
«Александринская гимназия»
Руководитель И. И. Белокрылова

Моя семья многонациональна: мама, Хоперия Ольга Михайловна, русская, коренная ленинградка, а папа, Хоперия Василий Сосоевич, грузин. Отец приехал в Петербург учиться и остался здесь навсегда, ведь атмосфера этого города не отпускает от себя. В моей семье сохраняются традиции как русского, так и грузинского народов.

Тема моей работы «Дружба народов ковала победу». Я заинтересовалась этим вопросом, так как считаю нужным, чтобы люди знали, что победа над фашизмом в 1945 году была завоевана людьми разных национальностей, что именно их объединение дало возможность одолеть врага.

Все мои предки, грузины и русские, жившие в тяжелые годы войны, попали под неожиданный и ошеломляющий удар, некоторые выжили, а кому-то уцелеть не удалось... Мои родственники были разбросаны по всей стране, кто-то воевал на юге, кто-то в

европейской части России, кто-то жил и работал в блокадным Ленинграде, есть даже родственница, побывавшая в концлагере. Я считаю, что знать историю своей семьи обязан каждый, ведь это память, которую мы должны сохранить.

Когда началась война, семья моего прадедушки Кондрата Хоперия состояла из 15 человек: он и его 5 братьев, 8 сестер, отец и мать. Все мальчишки, кроме одного, отправились служить. С войны вернулся только Константин. Он был морским десантником и воевал в городе Керчи (Украина). Об остальных четверых братьях: Семене, Матэ, Кирилле и Кондрате почти ничего не было известно.

Все, что было известно моей семье о моем прадедушке Кондрате Хоперия, это то, что он погиб летом 1942 года в Сталинградской битве. Где Кондрат был похоронен, никто не знал... И как раз с розыска его могилы и начнется мой рассказ.

Благодаря случаю, моему дедушке удалось пролить свет на то, что случилось летом 1942 года. В 1980 году Вахтанг Хоперия (мой двоюродный дедушка) возвращался из Харькова в родной город Поти, находящийся на берегу Черного моря. На вокзале он случайно разговорился с женщиной, которая ехала навестить сына, проходящего службу в Поти.

Он поделился с ней, что много лет пытается найти могилу своего отца, погибшего летом 1942 года в Сталинградской битве. Случайная попутчица сказала, что собирается отправиться в путешествие по Волге на теплоходе и на остановках в волжских городах, при посещении мемориальных мест, будет просматривать списки погибших.

Прошел год, и Вахтанг уже забыл об обещании случайной попутчицы. Однажды утром почтальон вручил ему письмо, раскрыв которое, он увидел фотографию мемориальной плиты и сразу все понял. Как он рассказывал, от такого неожиданного сюрприза он даже растерялся. Столько лет он искал могилу отца, но в душе таил надежду, что тот жив. Он дочитал письмо, в котором было написано, что его отец Кондрат Хоперия похоронен в городе Энгельсе в братской могиле.

Мой дедушка Хоперия Сосо Кондратьевич вместе со своим братом Вахтангом приехали в город Энгельс. Там их встретили, как уважаемых гостей, и домой они вернулись с землей с брат-

ской могилы, где захоронен их отец, и с воспоминаниями о теплом приеме. Потом состоялось символическое перезахоронение. И теперь в Потинском музее появился мемориальный уголок о бойце Великой Отечественной войны — земляке Кондрате Хоперия.

Как позже стало известно, мой прадедушка был политруком. О трех остальных братьях Хоперия: Семене, Матэ и Кирилле до сих пор ничего неизвестно.

Домой не вернулся и двоюродный брат моего дедушки Дарчия Мамия Бартломович, его призвали в армию в феврале 1940 года в его родном городе Батуми. Мамия был командиром противотанкового орудия, и к октябрю 1944 года его дивизия уже освобождала Венгрию, и как раз тогда он был убит. Дата его смерти 16 октября 1944 года. Похоронен он в городе Почай (Венгрия). Нашли его могилу много лет спустя, и тоже по счастливой случайности. Его брат был директором школы в городе Батуми, и к ним приехала делегация из Венгрии, он разговорился с гостями и поведал свою историю. Через несколько лет от них пришло письмо с координатами захоронения.

Мои прабабушка Новикова Нонна Михайловна и прадедушка Алания Ражден Васильевич до войны не были знакомы. Прабабушка жила в Курске, а прадедушка в Грузии. Когда началась война, Раждену было 25 лет, а Нонне 23. Они жили в разных концах страны и не знали о существовании друг друга. Ражден уже был опытным солдатом, он участвовал в финской войне, и даже был удостоен ордена Красного Знамени. В 1941 году его призвали на фронт. Сначала он был кавалеристом-разведчиком и служил под Новороссийском. Но в ноябре немцы оккупировали Курск, и его отправила туда. Вот там-то они и познакомились. Нонне пришлось работать в немецком госпитале в оккупированном Курске.

В 1941 году Нонна и Ражден поженились. В 1942 году у них родилась дочка Светлана (старшая сестра моей бабушки). Им приходилось тяжело, тем более, что Раждену пришлось уехать из Курска. Но когда война закончилась, он привез их в Грузию, и там у них родилась еще одна дочка, а затем и сын.

Мои предки по маминной линии — Матрена Павловна Петрова и Кудрявцевы Анна Михайловна и Викентий Яковлевич были родом из небольшого города Сычевка Смоленской области. Война

здесь началась 10 октября 1941 года, когда в город вошла третья танковая группа Георга Райнхардта. Город находился в оккупации два года.

Матрена Павловна Петрова, моя прапрабабушка, была поистине героической женщиной. После того, как муж ушел на фронт, она осталась одна с шестью детьми. А тут еще и немцы вошли в город. Тогда она стала помогать партизанам. Ее дом находился прямо на окраине города, как раз около леса. Она пекла для них хлеб и предоставляла свой дом для тайных встреч. До августа 1942 года им удавалось сохранить все втайне от врага. Но немцы выслеживали партизан, проходящих в дом моей прапрабабушки, старались понять, что они замышляют. При этом они воровали кур у Матрены, заходили в дом среди бела дня и брали все, что хотели. Но вскоре они попытались убить мою прапрабабушку. В первый раз они кинули ей в дом гранату, она чудом сумела спасти себя и своих детей. Но во второй раз немцы уже приставили пистолет к ее голове. Не знаю, почему они ее не убили, может быть потому, что испытывали к ней уважение, а может быть просто хотели ее унижить, но в тот день она не умерла. Город смог продержаться до марта 1943 года, именно тогда пришла долгожданная помощь. Тридцать первая армия Западного фронта освободила эту землю от фашистов, спасла людей, которые уже не верили в спасение.

Кудрявцевы Анна Михайловна и Викентий Яковлевич — мои прабабушка и прадедушка — боролись за жизнь в блокадном Ленинграде. Когда началась война, моей прабабушке Кудрявцевой Анне Михайловне было 24 года, а прадедушке Викентию Яковлевичу 23 года. Во время блокады они работали на хлебопекарном заводе в городе Кронштадте. Прабабушка пекла хлеб, а прадедушка развозил по пунктам выдачи. По рассказам моей бабушки, военный хлеб был мало похож на современный по своему составу. Чтобы уменьшить расход муки, городские власти предприняли сразу несколько мер. Во-первых, практически прекратили производство пива — весь солод, хранившийся на пивоваренных заводах, перевезли на мельницы, размолотили и использовали как примесь к хлебу. Во-вторых, хлеб на 14 действовавших в блокаду хлебозаводах стали выпекать с различными примесями. Они добавляли туда ржаную, овсяную, соевую, солодовую муку, много

других примесей. Но и такой блокадный хлеб помогал выживать, спасал жизни.

Уже десятилетия отделяют нас от суровых дней войны. Уходит поколение, вынесшее тяжелый груз войны. Но народная память сохранит и немеркнущий подвиг, и неслыханные страдания, и непреклонную веру людей.

Благодаря этой работе, я ближе прикоснулась к истории, к героическому прошлому русского и грузинского народов. Много нового узнала о моих соотечественниках, а также испытала огромное чувство гордости и уважения к тем, кто отстоял наш любимый город в годы войны.

Эта работа помогла мне больше узнать о моих родных, глубже познакомиться с историей двух братских народов, а также сделать вывод о том, что Грузия и Россия неразрывно связаны общей историей, культурными ценностями и духовной жизнью.

Мой прадедушка в Великой Отечественной войне

Полякова Дарья,
8 класса ГОУ гимназии № 177

О Великой Отечественной войне знает каждый. Коснулась она почти каждой семьи, не обошла стороной и нашу. Был в нашей семье настоящий боевой офицер — мой прадед по папиной линии. В семье бережно хранятся фотографии, боевые награды, заметка в газете за 1977 год, альбом, рассказывающий про его боевой авиационный полк... Про своего прадеда я и хочу рассказать.

Мой прадед Александр Дмитриевич Поляков родился 3 мая 1907 года на Донбассе, был сыном железнодорожника. После 6-го класса пошел работать — грузил уголь, был подручным слесаря. Но была мечта — мечта о небе. Узнав, что путь в авиацию лежит через пехотное училище, поступил туда. После его окончания, будучи командиром взвода 25-й Чапаевской дивизии, поступил в летную школу в Харькове, окончив которую стал штурманом-испытателем.

Славный боевой путь в годы Великой Отечественной войны прошел 106-й гвардейский Вислинский дважды орденоносный истребительный авиополк, в котором служил мой прадедушка. Полк формировался на главном направлении, на Московской земле.

Капитан Поляков служил в штабе авиаполка. У него, помощника начальника штаба, летчики получали «добро» на взлет согласно поставленной задаче, к нему поступали сведения о выполненном задании и потерях. В 1942 году в составе 17 воздушной армии, он сражался на Сталинградском фронте, затем на Белгородско-Харьковском направлении, потом были Днепропетровск, Одесса, Польша, Германия. В этот период А. Д. Поляков — начальник штаба 106-го гвардейского Вислинского дважды орденоносного истребительного авиаполка. Прадед рассказывал, что в те годы летчики летали в основном по карте, то есть сравнивали ориентиры, нанесенные на карту с тем, что видели через плафон кабины. Но это хорошо в мирное время, а во время войны исчезали не только ориентиры, но целые деревни и города. Дороги зимой заносило снегом, и проложить верный курс, да еще в условиях боя было очень трудно. Большого опыта у летчиков не было, и мой прадед учил молодых ориентироваться на макетах местности, которые делали в «песочнице» в штабной палатке. Эта учеба спасала многим летчикам жизнь во время реальных боев в воздухе.

Воевал до конца войны и так вспоминал канун победы: «2 мая ночью получили приказ о прекращении вылетов на Берлин. И вдруг среди бесконечного гула и грохота наступила такая тишина, что стало жутко с непривычки...».

После победы Александр Дмитриевич не скоро вернулся домой. Он побывал в Чехословакии, Австрии, Венгрии. Затем были курсы усовершенствования при Академии имени Жуковского. Окончив их, полковник Поляков А. Д. читал лекции по истории военного искусства и тактике в авиационных училищах, а после 1954 года ушел в запас. С первых же дней заслуженного отдыха, он являлся активным членом комитета содействия военкомату.

У прадеда много наград: орден Ленина, два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны, боевые медали. После войны отмечен за работу с молодежью почетным знаком ЦК ДОСА-АФ, Ленинской юбилейной медалью. Александр Дмитриевич Поляков умер в ноябре 1982 года. Его награды прабабушка передала в музей 106-го гвардейского Вислинского дважды орденоносного истребительного авиаполка.

Мы гордимся своим прадедом! По его стопам пошел мой дед Поляков Валерий Александрович, полковник в отставке Во-

енно-космической академии им. Можайского, мой отец Поляков Д. В. — капитан запаса космических войск.

С каждым годом отдаляется от нас война, все меньше и меньше становится непосредственно участвовавших в ней людей, все меньше прадедов, бабушек и дедушек, которые были детьми и помнят это тяжелое время. Но есть мы — внуки и внучки, которые должны бережно хранить память о своих родных, о своей истории.

Содержание

<i>Столбова Н. П.</i> «Этот день мы приближали как могли...» (Красногвардейский район — Победе)	3
I. Дети войны и блокады	
<i>Калинина Любовь</i> Блокадная судьба моей учительницы Татьяны Михайловны Файнерман	8
<i>Творческий коллектив</i> учащихся 8 «б» и 10 «б» классов ГОУ № 143 Родом из блокады: Гаврюк Галина Васильевна	11
<i>Голикова Екатерина</i> Девочка из блокады с одеялом на голове... (по воспоминаниям Ирины Павловны Соболевой)	15
<i>Солдаева Наталия</i> Три года смерти — три года жизни (записки Жени Чиликиной)	24
<i>Кривицкий Георгий</i> Блокадное детство моей бабушки Павловой Екатерины Григорьевны	30
<i>Калинина Светлана</i> Не жалея своей жизни... (по материалам семейных архивов) ...	35
<i>Аслямова Ирина</i> Юнга Балтики	47
II. Блокадные судьбы	
<i>Груздева Наталья</i> Блокада на страницах воспоминаний Лидии Васильевны Хромовой	53
<i>Венкова Евгения</i> Блокадные страницы моей родословной	60
<i>Пеньков Сергей</i> Война в судьбе моей прабабушки Пеньковой Надежды Владимировны	67
<i>Веселов Виктор</i> История, судьба, память: Солодова Нина Федоровна	73

III. Великая Отечественная война в судьбе моей семьи	
<i>Чернецова Екатерина</i> Моя семья — частичка Победы	77
<i>Харламкова Мария</i> Великая Отечественная война в судьбе моей семьи	83
<i>Хоперия Нонна</i> Дружба народов ковала победу... (грузины в обороне Ленинграда)	87
<i>Полякова Дарья</i> Мой прадедушка в Великой Отечественной войне	91

ИЗ ОХТИНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Выпуск девятый

Составитель Н. П. Столбова

Под редакцией Н. П. Столбовой

Компьютерная верстка И. З. Жестяниковой

Подписано в печать 18.1.12

Формат 60x84/16. Объем 6 печ. л.

Бумага офсетная. Зак. 47. Тираж 300.

Отпечатано в типографии ООО «СПб СРП «Павел» ВОГ».

196620, СПб – Павловск, ул. Березовая, д. 16/20.

Тел. 452-37-58, e-mail: pavel_poligraf@mail.ru